

СБОРНИК РАССКАЗОВ

Любовь, Миндаль и Шекша

ПРОЕКТ ПЕРОМ К ПЕРУ

16+

**Надежда Лустина
Марина Дирёмова**

Любовь, миндаль и текила

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=53972978

SelfPub; 2020

ISBN 978-5-532-06552-9

Аннотация

Хотите погрузиться в мир бурных эмоций, искупаться в волнах романтики и страсти? Читайте волнующие истории в сборнике «Любовь, миндаль и текила», окунайтесь в мир горячих сердец. Реальные истории любви из жизни людей, а так же придуманные любовные рассказы – трогательные романтические или жгучие страстные. О неожиданных и долгожданных встречах, каждая из которых неповторима. Самый мощный афродизиак – это любовь. Предлагаем вам коктейль из чувств по секретным рецептам.

Содержание

Марципановые чары	4
Синие кубики	30
Не забывай меня	37
Любовь нечаянно нагрянет	56
Надо жить	64
Не первая, но единственная	79
Марципановая война	101
Штрудель	115
По следу Ху Ли Цзин	117
Страсть и апельсины	127
Соседи	133
Любовь на вкус	140
Рецепт от потомственного психолога	146
Конец ознакомительного фрагмента.	148

Марципановые чары

Автор: Алеся Турбан @alesiaturban

Иллюстратор: Медея Волкова @cherry Snake_tea

Она: Зибилле (с фр. предсказательница)

Уличная танцовщица. 19 лет. Рост 165 см

Худошавого телосложения, гибкая, изящная.

Зибилле выросла на улице. Она плохо помнит свою мать и совсем не знает отца. Говорят, её мать была продажной женщиной. Бросила маленькую девочку, убежав из города с очередным любовником.

С детства Зибилле была юрким, подвижным ребёнком. Старый Понс увидел её однажды в толпе кочующих цыган. Он обменял девочку на ожерелье умершей жены, единственное богатство, которое у него было. Решил, что с Зибилле жить веселее, да и в старости будет сподручнее.

Маленькая девчушка оказалась красивым ребёнком с необыкновенными глазами цвета сирени. Она так ловко выплясывала на площади, что прохожие с радостью делились с ней хлебом и фруктами, иногда давали звонкие монеты.

Одно пугало Понса – девочка рассказывала, что когда она прикасается к руке человека, то тотчас видит, что у него на душе, и будущее, которое его ждёт. Понс боялся пророчеств маленькой танцовщицы и запретил ей говорить людям о своих видениях. Маленькая девочка выросла в прекрасную де-

вущку и украшала площади города своими замысловатыми танцами, зарабатывая себе и старику на жизнь.

Он: Стейн (со скандинав. – камень)

Сын вождя племени ораулов. Ораулы живут в отдалении от людей, в скрытой от чужих деревне, в собственном, замкнутом мире, со своими законами. В деревне тесно смешалась современность и древние обычаи предков. Вождь племени – Снэбьерн обладает полной властью над своими соплеменниками, его слово – закон. Скоро наступит время для священного обряда, и его сын Стейн станет вождём.

Стейн – рослый, плечистый, крепкий мужчина 27 лет. Он смелый и сильный. Воспитанный в духе традиций, полностью подчиняется слову отца, готов ради своего народа принести себя в жертву. Мужественный воин, он победил множество врагов.

Марципановые конфеты

Круглая площадь заполнилась толпой зевак. Чарующие заводные ритмы заполняют всё вокруг. Что это? Да это же прекрасная Зибилле устроила праздник танцев.

Люди стоят тесным кругом, оголив центр, на котором порхает цветастая юбка юной девушки. Никто во всём городе не способен так кружиться в танце, как она.словно маленькая юркая птичка она несётся по кругу, то припадает к земле, то подпрыгивает в порыве танца. Яркая одежда переливает-

ся на стройном стане, будто тело её горит огнём. Сотни маленьких монеток, камешков и бубенцов звенят в своём собственном ритме, разжигая задор толпы. Кажется, ещё чуть-чуть и все люди на площади бросятся танцевать.

Зибилле так увлечена танцем, что не замечает ничего вокруг. В этот момент в мире существует только её гибкое, пляшущее в экстазе тело и созданный на площади круг – арена. Зибилле с детства любит танцевать и готова это делать сутки напролёт. Вот уже больше часа она кружится в ритме музыки, удивляя зевак своими искусными движениями. Но быстрые танцы способны кого хочешь лишить сил, и девушка двигается всё медленнее и медленнее, завершая своё магическое действие.

Заведя за спину руки, она бежит по кругу, мельком глядя на лица зевак. И вдруг её взор наталкивается на незнакомое лицо, частично укрытое капюшоном. Зибилле делает ещё один круг и ищет в толпе незнакомый силуэт. Никого нет, ей просто показалось.

Тонкая фигурка устремляется в центр круга и продолжает медленно извиваться, ловя ритмы затихающей музыки. Она снова поднимает глаза на толпу и ловит острый взгляд незнакомца в капюшоне. Его глаза притягивают её словно магнит. Тёмные, бездонные, укрытые густыми бровями. Губ почти не видно, их обрамляют густые волосы, ниспадающие бородкой. Сильно выделенные скулы слегка подрагивают, едва скрывая нетерпение. Зибилле извивается, стоя на месте, не в

силах оторвать взгляд от незнакомца. Что же так её притягивает и пугает одновременно? Как бы ей хотелось коснуться его руки и заглянуть в самую душу. Она медленно склоняет голову в поклоне, а когда поднимает – незнакомца уже нет.

Толпа взрывается рукоплесканием. Десятки голосов выкрикивают признания юной красавице:

– Зибилле, ты прекрасна! Ещё, станцуй нам ещё! Я люблю тебя, Зибилле! – доносится со всех сторон.

Но девушка наклоняется, подхватывает с земли широкополую шляпу и пробегает по кругу с протянутой рукой. Громко звенят монеты, гулко падает в шляпу большое яблоко. Кто-то протягивает ей яркую ленту, кто-то лоскут красивой ткани. Зибилле рада любому подарку, выбирать ей не приходится. Быстро пробежав среди толпы, она высыпает содержимое в цветастую сумку и убегает с площади, просочившись среди зевак. Скоро начнётся ежегодная ярмарка.

Скрывшись в узкой улочке, Зибилле останавливается, припав спиной к стене. Сердце бешено колотится, ещё не успокоившись после дикой пляски. Девушка обтирает лоб ярким лоскутом ткани и выуживает из сумки спелое яблоко.

– Ух ты, какое красивое и сочное, – смеётся она и с хрустом надкусывает фрукт.

– У меня для тебя есть кое-что ещё вкуснее, – раздаётся мужской голос откуда-то со стороны, заставляя девушку вздрогнуть, выронив яблоко, и ухватиться за сумку с заработком.

Она бросила взгляд в сторону полумрака тесной улочки и увидела силуэт высокого мужчины. Её сердце замерло и сжалось в маленький комочек. Неужели её сейчас убьют и заберут все монеты?

– Не бойся меня, – словно прочитав мысли девушки, сказал незнакомец. – Я лишь хочу отблагодарить тебя за прекрасный танец.

Зибилле вздохнула с облегчением и, присев, подобрала надкусанный плод. В этот момент незнакомец сделал шаг к свету, и девушка встретилась с колким взглядом, притянувшим её внимание на площади. Замерев, она смотрела на мужчину не в силах пошевелиться.

Он протянул ей маленький мешочек и вложил в руку, накрыв своей ладонью. Зибилле мгновенно бросила яблоко на пол и коснулась свободной рукой кисти незнакомца. И в этот момент её словно ударило током, сердце сперва замерло, потом заколотилось сильнее. Незнакомец убрал руки и, развернувшись, тотчас скрылся за углом дома.

Девушка осталась стоять, прижавшись спиной к стене дома и сжимая в руке небольшой мешочек. Сердце по-прежнему колотилось в груди.

Прикоснувшись к руке незнакомца, она не увидела ничего. Впервые в жизни не смогла заглянуть кому-то в душу.

Опомнившись, красавица бросилась вслед за мужчиной. Ей стало интересно – кто же он. Но за углом уже никого не было.

Зибилле развязала шнурки на мешочке и высыпала на ладонь горстку странных камушков. Тотчас воздух наполнился сладким ароматом мёда и розовой воды. Девушка поднесла конфеты к губам и подхватила зубами один камушек.

– Ммм, – простонала она от удовольствия, когда раскусила конфету и ощутила во рту миндальный вкус сладости. Она вдруг вспомнила мамушку и своё детство. Однажды мать угощала её точно такими конфетами.

Завязав мешочек, танцовщица бросила его в сумку и побежала домой.

* * *

Добравшись до дома, Зибилле спрятала свои сокровища в укромное место, оставив себе подаренный незнакомцем мешочек. Старый Понс, её отец, ещё не вернулся с ярмарки. Торговля нынче будет идти до утра. Пытаясь продать нехитрые игрушки, вырезанные из дерева, Понс будет сидеть на ярмарке до закрытия. Матери у девушки не было, она пропала много лет назад.

Забравшись под одеяло, Зибилле развязала мешочек и снова высыпала на ладонь загадочные камешки, пахнущие изысканной сладостью. Она положила кусочек в рот и раскусила. Закрыв глаза от удовольствия, Зибилле вдруг ясно увидела перед глазами лицо незнакомца. Острый взгляд тёмных глаз, прямой нос... словно вновь почувствовала прикосно-

вение его шершавой ладони.

– Что за наваждение! – воскликнула она и мотнула головой, отгоняя образ.

Но черты мужчины всё время всплывали в её памяти. Проглотив ещё несколько камушков, девушка закуталась в одеяло и сладко уснула.

Red - Orange - Yellow
@CHERRY
Tea - Baking - Tea

MYSTERIOUS MARZIPAN

Зибилле почувствовала на своём лице лёгкое касание. Открыла глаза и увидела незнакомца. Он сидел рядом с её кроватью, сбросив капюшон. В свете лучины его волосы переливались оттенками шоколада и корицы. Висок слева, над бровью расплосовали глубокие шрамы. Зибилле попыталась поднять голову, но не смогла, словно она налилась чугуном.

– Это всего лишь сон, – прошептала одними губами.

Во рту чувствовался привкус сладости и сухость. Хотелось сглотнуть слюну, но не получилось.

Незнакомец провёл тыльной стороной руки по её щеке, а потом нагнулся и поцеловал её в лоб. Зибилле почувствовала тепло шершавых губ и прикосновение волос.

– Теперь ты принадлежишь мне, – услышала она хриловатый голос.

Девушка улыбнулась видению и простонала. Ей стало жарко, словно тело её окутал огонь. Глаза наливались тяжестью и готовы были вот-вот закрыться.

Тем временем мужчина встал перед кроватью и развязал широкий пояс на талии. Блеснув серебром, пояс змеёй устремился на пол. Полы одеяния распахнулись, и одежда упала с плеч, обнажая упругое тело и красивый торс.

Зибилле из последних сил боролась со сном. Ей хотелось, что бы наваждение продолжалось. Последнее, что она уви-

дела, был отблеск лучины, который плясал на широкой груди. Глаза закрылись.

* * *

Девушка проснулась. За окном уже было светло. Попыталась поднять голову и ощутила, как острая боль пронзила череп. Она застонала.

Солнце ярко светило. Наступил день.

– Как же долго я проспала, – удивилась Зибилле, привыкшая вставать с первыми лучами светила.

Как только тяжёлая пелена сна спала с её разума, девушка ощутила холод. Она коснулась руками обнажённого тела и резко села в кровати. Её бёдра были прикрыты уголком тонкого одеяла, а обнажённая грудь застенчиво белела, покрываясь мелкими пупырышками от холода. Она схватила одеяло и натянула его до подбородка. Оглянулась по сторонам. Хорошо, что отца ещё нет.

Вскочила, набросила на себя рубаху и подошла к зеркалу. Волосы растрёпанной копной торчали во все стороны. Она вспомнила ночное видение и обняла себя за плечи.

– Какой чудесный сон, – улыбнулась она своему отражению. – Кто же ты, незнакомец?

Цена любви

Сидя на полу напротив камина, Зибилле обхватила колени руками и рыдала. Горе её было таким большим, что затмило собой все радости мира. На ней было красивое платье, на руках дорогие браслеты. Она была по-прежнему молодой и красивой. Но это не мешало ей чувствовать себя самой несчастной на свете.

После мимолётной встречи с таинственным незнакомцем, подарившей девушке марципановые конфеты, Зибилле не могла прожить и дня, чтоб не думать о нём. Его пронзительный взгляд, прямой нос и глубокий шрам на виске отпечатались в сознании и преследовали день и ночь. Внутри неё зародилось глубокое чувство, неведомое ранее. Впервые в жизни ей хотелось быть рядом с мужчиной и дарить ему всю любовь, на которую способно её сердце.

Однако незнакомец исчез из жизни девушки. Она бродила по улочкам города, надеясь случайно его встретить. Во время танцев постоянно оглядывалась по сторонам. Но мужчина пропал, словно его никогда и не было.

Однажды девушка отплясала жаркий танец на площади и протянув шляпу, стала собирать монеты. Вдруг в шляпу упало что-то тяжёлое. Это был мешочек с монетами. Девушка ахнула и остановилась. Когда она подняла глаза, увидела его. Пол-лица было скрыто капюшоном, но девушка сразу

его узнала. Она хотела прикоснуться, но он тотчас развернулся и скрылся в толпе.

С тех пор незнакомец со шрамом стал частым гостем на выступлениях. Он внимательно наблюдал за красавицей во время танца, но никогда ничего не говорил. Лицо его было спокойным и бесстрастным. Когда Зибилле бежала по кругу со шляпой, он щедро одаривал её, бросая туда мешочек с монетами или красивые украшения. Танцовщица стала хорошо зарабатывать. Они с отцом переехали в уютный домик.

– Что же это за странный поклонник? – донимал её вопросами старый Понс. – Судя по подаркам, человек небедный. Вот бы он взял тебя в жёны!

Зибилле молча слушала отца и мечтала, что когда-нибудь незнакомец со шрамом войдёт в её дом и заберёт с собой. Они уедут далеко-далеко и будут жить счастливо.

Иногда перед сном Зибилле долго лежала в кровати и тихонько касалась рукой своей щеки, вспоминая его прикосновение. От мысли о поцелуе с её губ срывался невольный стон.

– Кто же ты, таинственный незнакомец со шрамом? Как ты смог завладеть моими мечтами? – шептала она в темноте.

* * *

Вскоре Зибилле заболела. Что-то странное творилось с её телом. Руки и ноги отекали, она расплнела и перестала быть лёгкой и гибкой. Девушка с трудом выступала перед зрите-

лями. Она уже не могла танцевать ритмичные танцы, просила музыкантов играть спокойную музыку и даже после неё едва не задышалась, валясь с ног.

Девушка боялась что, увидев её, незнакомец пропадёт и перестанет дарить подарки. Но нет, он по-прежнему приходил и молча наблюдал. Однажды он бросил тяжёлый мешочек монет в шляпу и провёл ладонью по её лицу:

– Я скоро приду за тобой.

У танцовщицы закружилась голова, и она чуть не упала в обморок. Хорошо, что её подхватили под руки. Когда Зибилле открыла глаза – мужчины со шрамом не было.

С каждым днём ей становилось хуже, она не могла больше танцевать. Отец разволновался и отправил её к лекарю. Его слова прогремели громом:

– Ты скоро родишь, дитя моё.

Зибилле выбежала от лекаря и из последних сил добежала до дома, рухнула на пол перед отцом и рассказала ему новость.

Старый Понс в гневе вскочил с кресла, в котором сидел и курил трубку, пнул ногой Зибилле и выкрикнул:

– Будь ты проклята, потаскуха! Не зря мне говорили, чтоб я не брал тебя! Недаром поговаривали, что в тебе течёт грязная кровь твоей продажной матери! Будь проклят тот день, когда я приютил тебя!

Старик схватил свою куртку и ушёл прочь. А Зибилле осталась лежать на полу, разрываемая рыданиями.

Придя в себя, девушка побежала к знахарке. За городом на опушке леса стояла её ветхая хижина. Едва дойдя, танцовщица ввалилась в дом. Старая женщина стояла у очага и помешивала ложкой варево, кипящее в котелке.

– Помоги мне, старая ведьма, – прошептала Зибилле, её ноги подкосились, и она без сил осела на пол.

– Что тебе нужно? – неприветливо сказала знахарка, бросив взгляд в сторону девушки.

– Убей моего ребёнка, – взмолилась Зибилле. – Я заплачу. Старуха подошла и подхватила её за локоть. Не успела Зибилле приподняться, как старая ведьма отпустила её руку и словно ошпаренная отскочила в сторону.

– Убирайся прочь! Я не буду тебе помогать! – закричала она и замахала руками, указывая девушке на дверь.

– Я заплачу, – заплакала танцовщица.

– Не нужно мне твоих денег! Тебе никто уже не поможет, – прошипела ведьма.

– У меня нет сил, – продолжала плакать Зибилле, закрыв лицо руками.

– Я дам тебе выпить зелье, оно придаст сил, – сжалилась знахарка, подошла к кипящей в котелке жидкости и зачерпнула кружкой. – Пей и убирайся.

Зибилле взяла кружку и поднесла к губам. Боясь обжечься, она отхлебнула глоток и с удивлением почувствовала, что варево холодное.

Девушка не помнила, как добралась до дома и упала, провалившись в глубокий сон.

Проснувшись она оттого, что кто-то прикоснулся к её голове. Открыла глаза и увидела незнакомца со шрамом. В ужасе Зибилле села в кровати и стала закрывать свой живот одеялом.

– Не смотрите на меня, – заплакала она. – Я стала уродливая и толстая. Не смотрите на меня!

Закрыв лицо руками, она рыдала. Немного успокоившись, Зибилле вытерла слёзы и увидела, что мужчина по-прежнему стоит посреди комнаты.

– Что вам надо? – спросила она.

– Этот ребёнок принадлежит мне, – сказал он и подошёл к кровати. Затем протянул руку и положил её на живот девушки. – Пришло время, и я пришёл за ним.

Зибилле смотрела на мужчину, не в силах промолвить ни единого слова. Она почувствовала, как от руки разливается тепло по всему её телу. Неожиданно вспомнился старый сон. Словно спала пелена забвения, и девушка увидела ночь во всех подробностях. Она вспомнила, как он стоял перед кроватью, обнажив торс, как наклонился к ней и поцеловал, а потом навалился всем телом. В её памяти всплыли его жаркие поцелуи, крепкие объятия, стоны, его горячее дыхание

на её коже, и резкая боль где-то в глубине мироздания. Лоб покрылся испариной, и Зибилле стала задыхаться от накаливших на неё видений. В ушах зазвенели стоны, которые переплелись в воздухе в ту ночь любви. Это был не сон, это была реальность.

Мужчина взял девушку за локоть и помог подняться с постели. Она припала к его груди. Вдохнула запах. Её сердце заколотилось, отдавая в ушах, тело затрепетало. Как давно она мечтала прикоснуться к нему, припасть к груди, раствориться в нём! Он обнял её и прижал к себе. Казалось, они простояли так целую вечность.

Потом взял её за руку и повёл за собой.

– Мои вещи...

– Тебе они больше не нужны, – ответил он.

У дверей дома их ждала запряжённая лошадьми повозка. Мужчина подхватил Зибилле и аккуратно положил на подушки, достал из сумки фляжку и протянул девушке:

– Выпей, так тебе будет легче перенести дорогу.

Зибилле послушно сделала несколько глотков и легла. Лошади тронулись, а девушка провалилась в сон.

* * *

Проснулась она от светившего в лицо солнца. Заслонившись от навязчивых лучей, открыла глаза. Незнакомая комната была увешана пёстрыми коврами, девушка лежала на

большой кровати, в окружении подушек. Тотчас подбежала женщина:

– Лежи, лежи, деточка. Тебе нельзя вставать.

– Где я? – спросила Зибилле.

– Тебе очень повезло, красавица. Тебя выбрал сам Стейн.

– Кто такой Стейн?

– Что ты, дитя моё. Это сын вождя! Отец твоего ребёнка, – сказала женщина и скрылась за коврами.

Оставшись одна, Зибилле разлеглась на мягких подушках, положила руки на живот и почувствовала, как внутри трепыхается ребёнок. Теперь у него есть отец. Слезы счастья потекли по щекам.

Так Зибилле поселилась в удивительном месте, где жило племя ораулов. Она никогда раньше о них не слышала. Но теперь она была не одна, за ней ухаживали, заботились, кормили с ложки, и Зибилле наслаждалась каждым днём. Вечером приходил Стейн. Обычно он наблюдал, как она ест или брал тарелку с супом и сам её кормил.

– Ты любишь меня? – шептала Зибилле.

– Внутри тебя мой ребёнок, – отвечал Стейн. – Ты мне нужна.

С каждым днём их связь становилась крепче. Зибилле нравилось засыпать на упругой груди мужчины. Она целовала его плечи, гладила их руками и шептала:

– Как долго я тебя ждала... Я полюбила тебя с первого взгляда.

Стейн гладил её по голове и, зарываясь лицом в её волосы, засыпал. Так продолжалось много дней, пока не настало время родить.

* * *

В комнате собралось несколько старых женщин. Они суетились вокруг девушки, приносили воду, раздевали её, растирали тело. Зибилле чувствовала аромат трав, который одурманивал её и клонил в сон. Стейн ушёл до рассвета и больше не приходил. Зибилле билась и извивалась в постели, изводимая схватками. Несколько часов она кричала, то приходя в сознание, то снова проваливаясь в дрему, звала Стейна. И вот она услышала крик младенца.

– Девочка! – закричала одна из женщин. – Какое счастье! Это девочка!

Зибилле открыла глаза и протянула руки к ребёнку, но в этот миг в комнату вбежало несколько мужчин. Они схватили девушку за руки и потащили на улицу. Зибилле пыталась вырваться, но сил уже не было.

Несчастную выволокли на круглую площадь, где был установлен огромный идол. Протащив сквозь кричащую толпу, оглушающие удары барабанов, её привязали к столбу. Она теряла сознание, по ногам струилась кровь. Танцовщица видела, как к основанию идола кладут сухую солому. В ужасе подняла глаза и заметила Стейна. Он отделился от толпы и

подошёл к ней:

– Я буду любить тебя вечно, – сказал он едва слышно.

Глаза Зибилле наполнились слезами, и она прошептала:

– Помоги мне...

На площадь вышел высокий, седой мужчина в шкуре животного. Это был вождь племени. Он подошёл к Стейну и оттолкнул его:

– Наши предки говорят, есть такая связь на свете, что не важно, сколько раз ты еёрываешь. Вы всё равно встретитесь.

В руке его горел факел. Он поднял его над головой Зибилле, что-то прокричал и опустил вниз, поджигая солому.

Только смерть разлучит нас

Вся округа была заполнена громкими звуками барабанов и криками людей. Время замерло, позволяя девушке рассмотреть всё до мелочей. Её любимый стоял напротив, опустив руки, и не моргая смотрел на Зибилле. Вождь поджёг солому, бросил факел и размахивал руками, выкрикивая слова на непонятном языке. Подбадриваемое дикими воплями толпы, пламя быстро расползлось по соломе, глотая её охапками, приближаясь к ногам девушки. Ещё чуть-чуть, и оно коснётся нежной кожи её стоп. Зибилле чувствовала жар, исходящий от прожорливого огня. Она закрыла глаза, последние силы покидали её.

И вдруг Зибилле услышала оглушающий нечеловеческий рёв. Приподняла тяжёлые веки и увидела, как Стейн метнулся с криком в сторону вождя, выхватил у него из-за пояса огромный кинжал и сильным ударом в грудь отшвырнул отца в сторону. Толпа взревела. Несколько воинов отделились от общей массы и выскочили в центр, держа наготове острое оружие. Тем временем Стейн за один прыжок оказался около идола и разрубил толстые верёвки, окутавшие девушку. Пламя обжигало его ноги, но он, не чувствуя боли, схватил обмякшее тело и выпрыгнул из костра.

Выкрикнув слова на неизвестном Зибилле языке, Стейн развернулся и бросился бежать прочь, унося с собой добычу. Теряя сознание, девушка видела, как воины подняли вождя. Он размахивал руками, указывая на Стейна и что-то кричал. Глаза закрылись, и она провалилась в пустоту.

Сознание возвращалось на короткие мгновения и снова забирало её во тьму. Зибилле видела, что лежит в лодке, а впереди широкая спина её любимого. В следующий раз он нёс её на руках, пробираясь сквозь лес. Затем она очнулась среди вороха листвы, под нависающими сверху лапками ели. Открывала глаза в темноте, слыша звуки леса, и снова проваливалась в небытие.

Когда пелена сна в очередной раз спала с век, Зибилле очнулась и почувствовала, что по её телу течёт вода.

Что-то мягкое и скользкое касалось её кожи свои холодным языком. Открыв глаза, она увидела Стейна. Склонив-

шпись над девушкой, мужчина окунал лоскут ткани в ручей и обтирал горящее от жара тело. Заметив, что она очнулась, Стейн накрыл её глаза рукой и прошептал:

– Спи. Спи.

Зибилле тотчас провалилась в глубокий сон.

Проснулась она оттого, что ей стало жарко. Открыла глаза и увидела перед собой большой костёр. Она лежала на сухой соломе, укрытая толстой шкурой. У огня сидела старая ведьма и, бросая в костёр пучки трав, что-то бормотала. Причудливые тени плясали за спиной женщины, играя на каменных стенах.

Увидев, что девушка смотрит на неё, ведьма улыбнулась:

– Наконец-то пришла в себя. Я уж думала, ты не выживешь. Боги пощадили твоё хрупкое тело.

Зибилле приподнялась, оперевшись на локти и осмотрелась. Она лежала посреди большой пещеры у костра. Кроме старой ведьмы, вокруг никого не было.

– Где Стейн? – прошептала она, ощущая сухость во рту.

Ведьма зачерпнула плошку жидкости из котелка, что дымился у костра, и поднесла к губам девушки.

– Выпей, тебе нужно пить.

Зибилле отхлебнула дымящуюся жидкость, которая, как и в прошлый раз, оказалась холодной.

– Где Стейн?

– Ушёл за твоим ребёнком, – сказала знахарка и отвернулась.

– Когда он придёт? – не унималась девушка.

– Ляг, поспи.

– Когда он придёт?

– Я не знаю. Возможно, он не вернётся, как и твой отец.

Зибилле почувствовала, как тепло разливается внутри её тела и на веки снова наваливается дрёма.

– Ты же знаешь, что Понс никогда не был твоим отцом. Он просто подобрал тебя и вырастил.

– А ты откуда знаешь, что стало с моим отцом? – отключаясь, спросила Зибилле.

– Потому что я твоя мать, – прохрипела старая ведьма, и Зибилле провалилась в сон.

Когда девушка проснулась, почувствовала, что силы вернулись в её тело. Она поднялась и села рядом со знахаркой у костра.

– Расскажи мне всё, – попросила Зибилле.

– Племя ораулов тысячи лет ведёт свои колдовские игры, решая судьбы сотен людей. Всегда всё идёт по кругу. Мужчина должен выбрать женщину, которая не живёт в деревне. Он соблазняет её и ждёт, когда придёт время родить ребенка.

После этого её крадут и приводят в деревню, принимая роды. Как только женщина родит, она должна быть принесена в жертву богам, чтобы не разгневать спящих предков. Взамен предки награждают рождённых детей неведомой силой. Новое дитя растят в деревне. Если это девушка, когда она достигает половой зрелости, уходит к людям и соблазняет

ет самого красивого и здорового юношу, которого встретит. После рождения дитя, его тоже приносят в жертву богам.

Когда-то я была молодой девушкой. Меня вырастили, как и тебя, чужие люди, и я не знала своих отца и матери. Потом пришёл он. Казалось, это бог сошёл с небес, так божественно красив был твой отец. Я полюбила его с первого взгляда. У меня просто не было шансов не полюбить его. А потом всё было так же, как с тобой. Он принёс меня в свою деревню и забрал ребенка. Меня хотели сжечь на костре. Но всё пошло не так, как должно было. Говорят, один из многих способен воспротивиться воле богов и нарушить древний закон. Твой отец и был тем, кто вопреки воле предков похитил меня, сняв с костра. Мы долго скитались по лесам, он нёс меня на руках, пока не нашёл место, где можно меня оставить. А сам вернулся назад, в деревню, чтоб забрать нашего ребёнка. Но его уже ждали. Его убили – принесли в жертву своим проклятым богам. Я осталась одна. Жизнь моя почти потеряла смысл. Только ты заставила меня жить дальше. Я стала тенью, невидимой спутницей, которая всегда была рядом. Забрать тебя я не могла. Если б выдала себя, погибли бы вместе. В деревне таких, как ты, не держат, поэтому тебя подкинули кочующим цыганам. Ну а потом старый Понс выкупил тебя и вырастил, как дочь. Возможно, всё бы было иначе, если б сын вождя, сам Стейн, не выбрал тебя в жены. Но даже он не устоял перед нашими чарами и поступил так же, как твой отец. Теперь только время покажет, вернётся он

или нет. Но я не желаю тебе такой судьбы. Время безжалостно, а горе ещё хуже. Ты видишь, как быстро оно превратило меня в старуху. Если б не наш дар, я давно бы уже погибла.

Шли дни. Зибилле жила со знахаркой в пещере и ждала Стейна. Она верила, что он обязательно вернётся. Но каждый день в ожидании тянулся бесконечно.

И вот однажды на рассвете, когда первые лучи солнца только подкрались ко входу пещеры, Зибилле проснулась от детского плача. Она открыла глаза и увидела в проёме знакомый до боли силуэт. Стейн стоял, держа в руках маленький кричащий комочек, завёрнутый в шкуру. Сердце девушки сжалось и замерло в груди. Она вскочила и подбежала к мужчине. Он вложил в руки ребёнка. Зибилле развернула шкуру, посмотрела на малышку и заплакала. Стейн обнял их и прижал к своей широкой груди. Так они стояли долго, пока не подошла старая ведьма.

– Дайте мне ребёнка, я осмотрю его, – подхватила она младенца и выскользнула из пещеры.

Зибилле подняла глаза и посмотрела на мужа.

– Как долго я тебя ждала. Я боялась... – прошептала она.

– Я не мог не прийти, – ответил Стейн и взял её лицо в руки. Он притянул его и припал губами, покрывая каждый сантиметр поцелуями.

Зибилле обхватила руками тело мужчины и прижалась к нему. От поцелуев Стейна её стала бить дрожь. Внутри разгоралось забытое телом ощущение, огонь, который ласкал её

всю. Стейн подхватил девушку и понёс вглубь пещеры. Аккуратно положив на солому, сел рядом и достал откуда-то маленький мешочек.

Сердце Зибилле заколотилось с удвоенной силой – она вспомнила вкус марципановых камешков, которые ей в первую встречу подарил Стейн. Она развязала мешочек и высыпала лакомство на ладонь. Взяла пару конфет и положила себе в рот, а потом столько же протянула любимому. Он послушно собрал их губами с её ладони.

Раскусив конфеты, Зибилле почувствовала знакомый вкус мёда и миндаля. Сладость растеклась по её языку, играя мелодию восхитительного вкуса. Стейн наклонился и поцеловал девушку, а потом навалился на неё всем телом. Зибилле податливо извивалась под теплом его ладоней и целовала всё, до чего могла дотянуться. Её тело изгибалось, вспыхивая от каждого прикосновения. Она ласкала упругую, мускулистую спину мужа и не могла поверить в реальность происходящего. Он зарывался лицом в её волосы и рычал от захлестнувшего его потока нежности.

Внутри них кипела лавина страсти, которую эти двое не могли выплеснуть столько времени. Теперь никакого наваждения, колдовства и страха, только оголённые чувства раскалённых добела тел, сильное влечение, перемешанное с любовью и нежностью.

Внутри них кипела лавина страсти, которую эти двое не могли выплеснуть столько времени. Теперь никакого нава-

ждения, колдовства и страха, только оголённые чувства, раскалённых добела тел, сильное влечение, перемешанное с любовью и нежностью.

Когда стоны и рык прекратились, знахарка проскользнула в пещеру, прижимая к груди младенца. Стейн лежал на спине, раскинув руки и ноги, а Зибилле, свернувшись клубочком, прижималась к его боку, поместив голову на плечо. Ведьма положила младенца около отца:

– Ребёнок здоров, – прошептала она и вышла прочь.

Стейн подхватил кроху и переложил между ними. Малышка открыла глаза, агукнула и уснула, прижимаясь к тёплому телу родителя.

– Ты меня больше не оставишь? – прошептала Зибилле.

– Только смерть разлучит нас, – сказал Стейн, натягивая шкуру на жену и ребёнка и погружаясь в сон. Костёр догорал. Ведьма подбросила охапку хвороста и вознесла руки вверх, благодаря своих богов.

Синие кубики

Автор: Турбан Алеся @alesiaturban

Алина сидела на скамейке в парке, рядом вертелся её взъерошенный пёс по кличке Шарфик. Зажмурившись, она вдыхала свежий воздух и подставляла лицо тёплому ветерку. Когда открыла глаза, увидела на аллее одинокий силуэт. Откуда он взялся? Высокий, стройный парень. На фоне света виднелось только очертание. Он приближался, шагая по аллее к лавочке. Поравнявшись, улыбнулся ей и сел рядом.

«Какой красавчик», – подумала девушка.

– Привет! Тебя как звать? – спросил он.

– Алина. А тебя?

– Айдос.

– Необычное имя.

– Имя как имя. А ты красивая, не смог пройти мимо.

Девушка смутилась.

– Пошли, прогуляемся? – Айдос вскочил и потянул её, взяв за руку.

Она на мгновение растерялась, потом послушно поднялась. Под светом фонаря волосы Айдоса заискрились голубыми прядями.

– Ой, у тебя синие волосы.

– А что такого? У нас такие все носят.

– А где... – хотела спросить Алина, но Айдос остановился

и, притянув к себе девушку, закрыл её рот поцелуем.

От неожиданности она едва не задохнулась. У него были нежные, чувственные губы, целовался он восхитительно. Алина почувствовала миллион маленьких иголочек, которые искололи её от пяток до макушки.

Оторвавшись от девушки, парень снова потянул её за собой.

– Смотри, как сегодня красиво! – улыбнулся он. – Уже поздно, ты собиралась домой?

– Да.

– Я провожу тебя, пошли.

Потянув за поводок Шарфика, Алина засеменила рядом с пареньком.

– Ты самая красивая девушка, какую я когда-нибудь видел, – постоянно твердил Айдос.

Он так смотрел на Алину, что у неё по спине порхали бабочки. Совершенно чужой человек, а рядом с ним было хорошо как никогда. Алина позволила вести себя, не думая ни о чём.

Незаметно они дошли до её дома и поднялись на этаж. Алина открыла дверь ключом и повернулась к Айдосу.

– Ну, вот я и дома...

– А как же чай? – улыбнулся юноша и юркнул в прихожую вслед за псом.

– Эй, постой, – возмутилась девушка. – Вообще-то я тебя не приглашала.

Но Айдос уже сбросил кроссовки и проник на кухню, включив громким щелчком чайник.

Алина сняла обувь и пошла за ним.

В свете кухонной лампы он был ослепительно красив, обнажив свои белоснежные зубы в загадочной улыбке. Чайник закипел и отключился.

– Только к чаю у меня ничего нет, – сказала Алина, наливая кипяток в чашки.

– А у меня есть, – улыбнулся юноша и протянул ей маленькую коробочку, переливающуюся оттенками голубого. – Уверен, ты такого не ела.

Алина открыла коробку. Внутри лежали небольшие синие кубики, похожие на игральные кости. Много ярких синих кубиков. Вот только точек на них не было.

– Попробуй, тебе понравится, – подхватил один кубик Айдос и положил Алине в рот.

Девушка сжала зубами кубик, и он послушно лопнул, орошая её рот миллионами шипящих пузырьков. Закрыв от удовольствия глаза, она наслаждалась, пытаясь уловить, какой же вкус у этих конфет. Нотки ванили смешались с чем-то похожим на клубничное мороженое и оставили анисовое послевкусие, похожее на микстуру от кашля, которой поила её мама в детстве. Когда пузырьки перестали лопаться, во рту стало холодно. Алина с удивлением открыла глаза.

– Открой рот и выпусти этот холод на волю, – прошептал Айдос.

Она раскрыла губы, и из них вырвался холодный воздух. Это выглядело как пар, который можно выпустить изо рта в сильный мороз. Только всё наоборот.

– Здорово, правда? – засмеялся Айдос.

– Хочу ещё! – воскликнула Алина.

– А я ещё хочу тебя поцеловать, – ответил Айдос и обняв, привлёк девушку к себе, накрыв её рот поцелуями.

Алина подняла руки и обняла парнишку за шею. Он так искусно целовался, что она расслабилась и просто поддалась его напору. Губы сами открывались, закрывались, жадно хватая его рот. По телу снова побежали иголки, ласково покалывая её. Айдос ещё крепче прижал девушку к себе. Теперь она ощущала его тело каждой клеточкой своего и ей это нравилось. Впервые в жизни она так бессовестно целовалась с незнакомым человеком и получала от этого огромное удовольствие.

– Какая же ты сладкая, – простонал Айдос, оторвавшись от девушки. Он потянул замочек и расстегнул свою кофту, обнажив грудь. Алина от неожиданности попятилась назад. Но парень быстро взял её за руку и привлёк к себе. Подхватив пару синих кубиков, он вложил их девушке в рот.

Она раскусила конфеты и закрыла глаза, наслаждаясь удивительным разнообразием вкуса.

– Какие необыкновенные конфеты, – улыбнулась Алина.

– Они не сравнятся с тобой, – прошептал Айдос и подхватил девушку на руки. Через мгновение они оказались в ком-

нате. Положив её на диван, он быстро освободился от остатков одежды. Алина окинула взглядом его мускулистое тело и подумала, что такого мужчины у неё ещё никогда не было.

Примостившись снизу, Айдос стал целовать её ноги, поднимаясь от пальцев к икрам. Его язык порхал мотыльком по коже, заставляя тело девушки извиваться.

– Что ты делаешь, – простонала Алина.

– Показываю тебе, что такое удовольствие.

Алина закрыла глаза и стала проваливаться в море удивительных ощущений. Ей казалось, что их тела слились в одно целое. Его губы были везде. Он исследовал каждый миллиметр её тела, целуя и лаская во всех местах. Такого удовольствия девушка никогда не испытывала. Накатываясь волнами, оно заставляло её извиваться в судорогах, пульсируя огнём внутри живота. Девушка стонала, кричала, царапала его спину, пока на пике эмоций не потеряла сознание.

Когда открыла глаза, обнаружила себя лежащей на простынях без одежды. Вскочила, испугавшись.

Айдос стоял, по-прежнему голый, у окна и смотрел в небо. Услышав движение, обернулся.

– Ты такая сладкая, – едва слышно сказал он.

Алина улыбнулась:

– Ты бы съел меня?

– Я бы забрал тебя с собой, – прошептал он.

– Куда? Где ты живёшь?

Поманив девушку к себе, он прижал её к своей груди и

обнял за плечи.

– Смотри, вон там, вверху.

– Что там? – смотрела вверх Алина, видя только луну и звёздное небо.

– Ты видишь луну? Ты видишь, какая она большая?

– Вижу, – прошептала девушка.

– Я там живу.

– Как это? – Алина оттолкнула парня и повернулась к нему лицом. – Ты меня разыгрываешь?

– Нет. Я там живу. И имя моё означает луна. В полнолуние открывается лунный коридор, и я могу попасть на Землю. В одно мгновение преодолеть тысячи километров и оказаться рядом с тобой.

– Ты мне врёшь... Зачем ты врёшь? – на глазах у Алины появились слёзы.

– Поверь, я не вру. Много раз приходил сюда и наблюдал за тобой, не смея подойти. Ты очень красивая. На Луне нет таких прекрасных девушек. Я влюбился в тебя, как только увидел в первый раз.

– Наверное, я тоже влюбилась в тебя, хоть ты и врун, – улыбнулась девушка. Айдос протянул руку и провёл по её щеке.

– У тебя необычная кожа, такая бархатная, – и он, схватив девушку за руку, привлёк к себе.

Алина подняла глаза и прильнула к его губам. Её сердце застучало, кровь прилила к лицу.

– Хочешь ещё конфет? – спросил он.

– Хочу...

Айдос протянул ей три синих кубика и положил в рот. Девушка простионала от удовольствия, раскусывая конфеты. Мужчина снова подхватил её и бросил на диван, навалившись всем телом. Алину мгновенно накрыла волна удовольствия, смешанная со страстью и радостью.

* * *

Они лежали на диване и смотрели в потолок. Её голова на его плече. Он нежно трогал её грудь, не давая её телу расслабиться.

– Ты правда с Луны? – спросила она.

– Правда.

– И что там?

– Там просто другой мир. Живут другие люди, у которых голубые волосы и глаза. Там хорошо, там лунные кратеры, там, рядом с экватором, есть очень красивый пляж. Я хочу любить тебя там. Ты пойдёшь со мной?

– Да, – прошептала Алина, проваливаясь в глубокий сон.

Не забывай меня

Автор: Элен Славина @elen_slavina

Иллюстратор: Виктория Пеннер @viktoriya_viktoriya_arts

Проснувшись от яркого сна и сладко потянувшись, Валентин откинул одеяло и медленно вылез из постели. Подойдя к большому окну, он распахнул шторы и улыбнулся солнцу. День обещал быть богатым на положительные эмоции и дела, которые предстояло сегодня решить.

Приняв душ, мужчина вышел на балкон и, взглянув ещё раз на улицу, посмотрел на дорогую новую машину, стоящую рядом с подъездом. Сердце его учащенно забилось. Это была любовь с первого взгляда, и он всем об этом говорил. Друзья его понимали, девушки презрительно отводили глаза, то ли от ревности, то ли от зависти.

Но сейчас сердце билось не из-за любви, а от увиденной картины. Перегнувшись через синий бок кабриолета, в салоне его машины кто-то что-то искал. Видно было только хорошенькую круглую попку, которую обтягивали узкие джинсы.

– Эй! Эй, вы! Это моя машина, что вы там ищете? Отойдите немедленно!

Поняв, что никто не реагирует на его крики, Валентин ринулся из квартиры вниз, на улицу.

Подбежав к машине, он удивился тому, что девушка, никого не замечая, продолжала рыться в ней. Ему даже стало

смешно. Он подошёл к машине с другой стороны и наклонился, облокотившись на окна, разглядеть поближе такую милую воровку.

– Девушка, простите, что я вас отвлекаю, вы что-то потеряли?

Девушка резко подняла голову и стукнула Валентина подбородку так сильно, что он пошатнулся, но остался стоять, считая звёзды в глазах.

– Ох, простите ради Бога, я не хотела! Но вы меня напугали, этого делать не стоило!

– Что? Напугал? Вас? Искренне прошу прощения, что не предупредил о том, что я здесь, – Валентин потрогал больной подбородок и языком ощутил кровь на губе. – Чёрт, только этого не хватало!

Он взглянул на девушку и увидел копну огненных волос, обрамлявших лицо. Словно солнце спустилось к нему и светило только для него, обжигая не только глаза, но и душу.

– Мистер, раз уж вы здесь, не могли бы вы помочь мне с поиском очков, я без них совсем ничего не вижу. Хотя... я заметила кое-что странное: кажется, вы совершенно голый. Похоже, ваше полотенце тоже потерялось, – девушка залилась звонким смехом, стараясь не смотреть в сторону мужчины.

– Что? – Валентин посмотрел вниз и понял, что обронил полотенце, когда бежал через ступеньки, вниз на улицу. Закрыв руками, что можно было закрыть, он ужасно покрас-

нел. – Извините, что предстал перед вами в таком виде, мне ужасно неловко.

– Ничего, я же всё равно почти ничего не вижу без очков, – девушка мило засмеялась и немного покраснела.

– Почти ничего, но что-то вы видели, так?

– Совсем немного.

– Что значит немного? – мужчина покраснел ещё больше и решил закрыть эту тему. – Хорошо, хорошо, я понял, вы играете со мной, так? Обычно девушки мне делают комплименты.

Посмотрев на девушку, на её прекрасное милое личико и не увидев в нем ни капли игры или вожделения, которое могло бы возникнуть при виде голого мужчины, Валентин немного взгрустнул. Его девушки сами проявляли инициативу, долго их уговаривать не приходилось.

Девушка засмеялась и снова наклонилась в кабриолет, видимо, забыв о надоедливом мужчине.

– Милая девушка, ответьте мне на один вопрос: почему вы ищете свои очки в моей машине?

– Что? Как вы сказали? В вашей? – стремительно выпрямившись, Валери прищурилась, чтобы посмотреть на донимавшего её мужчину. В этот раз Валентину удалось избежать удара от этой рыжеволосой воительницы, и он решил встать подальше. – Она ваша?

– Конечно, хотя если честно, я уже начинаю в этом сомневаться, – мужчина засмеялся и понял, что ведёт себя как

мальчишка, стараясь привлечь внимание юной девушки.

Рядом проехала машина. Сидевшие в ней люди, увидев обнаженного мужчину, смачно присвистнули. Валери засмеялась и посмотрела на удаляющийся автомобиль. В этот момент Валентин высвободил одну руку, оставив другую где нужно, достал из бардачка шорты, лежавшие там с прошлой гулянки, и натянул их на себя, все ещё сильно смущаясь. Обычно он раздевался перед девушками у себя в квартире, а здесь на улице, при свете дня, ему было как-то неуютно.

Повернувшись к Валентину, она прищурилась и с вызовом произнесла:

– Не говорите ерунды, она не может быть вашей! – продолжая искать очки, она внезапно вскрикнула и, выпрямившись, подняла руку, все пальцы которой были измазаны липким шоколадом.

– Что это такое? – она скривила мордочку от неприязни.

Мужчина засмеялся, глядя на эту картину, и, подойдя к девушке, удивился внезапно возникшему сладкому запаху ванили, исходящему от нее. Этот запах, такой забытый, такой родной, словно вернул его туда, где ему было хорошо.

Отбросив приятные воспоминания, наклонил голову набок, улыбнулся девушке своей белоснежной улыбкой, покоряющей женщин, и взял тонкую ручку Валери в свою. Он приблизил её к губам и произнёс:

– Мои любимые марципановые конфеты, к сожалению, растаяли и оказались на ваших пальцах! – он поцеловал

пальцы, с удовольствием слизав с них весь шоколад. – Очень вкусно...

Он не успел договорить, пол-лица обожгло огнём от внезапно прилетевшей пощечины, которая обрушилась на лове-ласа, чего он никак не ожидал. Валентин покачнулся, крепко стиснул руки девушки и показал волчий оскал, глаза его горели от негодования и непонимания. «Как посмела эта дев-чонка влепить ему пощёчину? Да кто она такая?»

Валери пыталась высвободить руки, одновременно при-стально смотря в лицо мужчине, её глаза тоже пылали яростью и страстью. «Кто этот мужчина, что так ловко пытается добраться до сердца? Не позволю, только не ему!»

– Отпусти меня, мерзавец, не трогай! Да что ты себе поз-воляешь?

– Тише, тише, давай успокоимся, и попросим друг у друга прощения. Хорошо?

– Да, хорошо, – Валери выдохнула и улыбнулась.

В этот момент Валентин прижал её к себе и что есть силы поцеловал в пухлые губы, которые явно были созданы толь-ко для поцелуев. Валери ахнула и укусила Валентина за ниж-нюю губу, отчего тот вскрикнул и выругался. Потекла кровь, сползая на подбородок алыми дорожками.

– Просто отлично! Посмотри, что ты сделала! – Валентин обернулся к девушке, но на лице уже никого не было.

Валери спряталась в ближайшем подъезде и искоса наблюдала за Валентином, который в недоумении стоял у машины. Она дотронулась всё ещё липкими от шоколада пальцами до своих губ, которые целовал Валентин. Прикрыв глаза, она застонала от удовольствия. Сладкая истома пронзила её молодое тело. Испугавшись, что её кто-нибудь услышит или увидит, она резко открыла глаза. Посмотрев по сторонам, она поняла, что находится здесь одна, и продолжила смотреть за происходящим на улице.

Валентин огляделся, и, не обнаружив нигде рыжей девушки, сел в свою машину. В голове была лишь одна мысль, от которой сердце начинало биться быстрее и учащалось дыхание: «Мне нужно найти эту Лису и поцеловать ещё раз, да так, что она растает и сама прыгнет ко мне в постель».

Он осмотрел машину и на заднем сидении автомобиля заметил очки.

– Не может быть! Значит, она на самом деле искала их здесь. Но как они тут оказались?

Он снова вспомнил запах ванили, но в этот раз воспоминания унесли мужчину совсем в другое место.

Бунгало у моря, где запахи моря и ванили смешивались, образовывая необычную смесь. Рыжие волосы мелькали тут и там, и он никак не мог понять, кто перед ним.

Машина пронеслась рядом с ним и вырвала его из прекрасного сна. Что это было, воспоминания или видение?

Взяв очки в руки, он посмотрел в них и надел.

– О, мой бог, какое ужасное у неё зрение, бедная девочка! – он поспешил снять очки, от которых у него заболела голова, и спрятал их в карман шорт.

Когда Валентин сел в машину, Валери решила, что надо действовать здесь и сейчас. Если ждать дольше, он уйдёт, и тогда можно попрощаться с очками. А без них до дома добраться ей будет крайне сложно.

Выйдя из своего укрытия, она медленно и плавно, словно лесная лань, подошла к машине и села на пассажирское сидение рядом с мужчиной.

Валентин заметил её не сразу. Испугавшись, подпрыгнул на сидении и выругался.

– Что за чертовщина? Ты что, чокнутая? Исчезаешь и появляешься, как чёрт из табакерки, предупреждать надо!

Не обращая внимания на то, что он говорит, Валери следила только за его губами. Ох, как же ей хотелось их поцеловать, снова ощутить марципановый вкус на своих губах. Желание было настолько сильным, что она облизала сухие губы, не заметив, что мужчина пристально смотрит на неё. Это было наваждение, и они никак не могли освободиться от его сладких оков.

– Я знаю, о чём ты думаешь. И я могу дать тебе это! – Улыбнувшись, Валентин приблизился к Валери и почти до-

тронулся до её губ. Девушка, уловив тонкий мускусный аромат, который лёгкой шифоновой пудрой коснулся её, приоткрыла губы... и показала язык. Она накрыла губы Валентина ладошкой и отстранилась, как бы тяжело не было, по-другому она не могла.

– Мы хотим разных вещей! Отдай мне очки, и я исчезну из твоего поля зрения.

– Но я не хочу, чтобы ты исчезала, ты нужна мне.

– О чём ты говоришь, что значит нужна?

– Ты моё солнце, прошу тебя, сияй! Но только для меня.

– Кажется, ты сошёл с ума, девушкам нельзя говорить такие вещи, иначе они вцепятся в тебя и уже не опустят.

– Это то, что мне нужно, останься со мной, прошу! Видишь, я почти стою на коленях.

– Хорошо, но сначала... – она приблизилась к мужчине и начала мурлыкать ему на ухо нежности, а в это время руки осторожно начали обыскивать Валентина.

– Милая моя, а ты горячая штучка! Ты что, хочешь заняться любовью прямо здесь, в машине?

Валери засмеялась, оттолкнула мужчину и, надев найденные очки, с гордостью удалилась.

– Постой, Лисёнок, скажи хоть, как тебя зовут?

– Меня зовут Валери! Валери!

Спустя мгновение девушка уже была на другой стороне улицы, не подозревая о том, что Амур снова пустил свои стрелы, и они точно попали в цель.

Валентин смотрел вслед уходящему Солнцу и с горечью в сердце не понимал, что делать дальше. Первый раз в его холостяцкой жизни одна и та же девушка кидала его два раза за один час. Его репутации конец, все друзья засмеют, и друзья друзей тоже. Надо срочно вернуть её, подумал он, и запах ванили снова напомнил о себе. Он повернул голову и увидел на сидении платок и визитку, которые выпали из джинсов девушки. Он взял в руки найденные драгоценности и приклонил к губам. Голова закружилась, и он снова окунулся в воспоминания.

Посреди слабо освещённой комнаты, наполненной ароматами ванили и кардамона, стоит большое кресло, в котором удобно расположились двое. Со стороны видно, что это влюблённая пара, которые не могут жить друг без друга. Они упиваются своей любовью и непрестанно целуются, мужчина не выпускает девушку из объятий. Отпустить её значит для него умереть! Девушка смотрит в глаза мужчине и шепчет мягким бархатным голосом: «Вспомни меня, вспомни меня...»

Валентин проснулся от вязкого сна и посмотрел по сторонам. Он все ещё находился в своей машине и держал в руках платок, оставленный по случайности Валери. Рядом лежала визитка, взяв её в руки, он прочитал: «Валери Кларк, эксперт художественной галереи, телефон 074-246-17».

– Как странно, у неё такая же фамилия, как у меня.

Мужчина взял телефон и набрал указанный номер. На другом конце провода ответил приятный женский голос:

– Добрый день, художественная галерея «ВэнилЛав», чем могу вам помочь?

– Добрый день, можно пригласить к телефону Валери Кларк?

– К сожалению, она ещё не пришла. Может, ей что-нибудь передать?

– Нет, ничего. Я перезвоню позже.

Валентин бросил трубку, прочитал ещё раз адрес галереи, указанный на визитке, включил зажигание и рванул в поисках Валери.

– Что-то в этой истории не клеится, – говорил он самому себе, глядя в зеркало. – Эти треклятые очки, якобы случайно оставленные в машине. И такой знакомый запах ванили, я его помню не просто так!

Подъехав к галерее, он стал ждать, когда появится Валери. Рядом стоящий охранник косо посматривал на него. Это сильно напрягало, но Валентин продолжал ждать девушку. Глядя по сторонам, он коротал время, и вдруг в витрине магазина увидел надпись, которая поразила его в самое сердце: «Говорят, есть такая связь на свете, что не важно, сколько раз ты еёрываешь. Вы все равно встретитесь!»

– Не может быть, не может этого быть!

Внезапно дверь машины открылась и в неё непринужден-

но села Валери.

– Может, сама недавно всё вспомнила. Оказывается, мы женаты...

* * *

Валентин сидел в своём дорогом автомобиле и ничего не понимал. Он словно был не в своём теле, а где-то рядом, смотрел на всё со стороны, молясь, чтобы это была шутка. Он не верил в бога, кроме разве что финансового, но сейчас был готов поверить чему угодно.

Девушка, сидящая рядом, была ему всё также незнакома, как и несколько часов назад. Что она сказала? Кажется, он не расслышал. Они женаты?!

Тут его кто-то вернул в тело, тронув мягко за плечо.

– Валентин, очнись, да что с тобой? Ты живой? – девушка прижалась к груди мужчины, чтобы почувствовать сердцебиение. Запах ванили окутал его снова, и он провалился в одно из своих воспоминаний.

... Он сидит полураздетый на постели, рядом незнакомая блондинка. Красивая. Она пытается его поцеловать и что-то сказать. Ему неинтересно, всё словно в тумане. Как он тут оказался? Оглядывается вокруг и понимает, что квартира его и постель тоже, рядом на столике стоят фотографии рыжей девушки. Валери, он узнает её, сердце колет, больно. Поворачивается к девушке, она всё ещё что-то говорит, ма-

шет руками. Вдруг слышит голос: «Я ненавижу тебя, ненавижу!» Резко поворачивается и получает пощёчину. Рядом никого нет. Всё исчезает...

Вынырнув из воспоминаний, он дотронулся до мягких волос Валери и в отчаянии откинулся на кресло.

– Почему я ничего не помню? Лишь обрывки, кусочки. Как будто сплю, и никак не могу проснуться.

– Нам не нужно было встречаться сегодня утром, всё случилось внезапно! Увидев и прикоснувшись друг к другу, мы снова вернули то, от чего долгое время старались уйти. Наш брак был ошибкой, и после твоей измены я в этом окончательно убедилась.

– Какой измены, какой брак? Ты чокнутая, я это сразу понял, как только увидел тебя! – поймав затрепину от Валери, Валентин помнил, что лучше с огненной девушкой не шутить. Эта воительница нравилась ему всё больше. Столько в ней было страсти, столько огня, что желание овладеть ею и подчинить себе росло в нём с космической скоростью.

– Да очнись ты уже, наконец!

– Что ты от меня хочешь, что?! – Валентин замотал головой, пытаясь сбросить с себя оцепенение, затем включил зажигание и злобно произнёс: – Выходи из моей машины!

– Что?! Я не верю своим ушам! – выкрикнула с надрывом Валери.

– Мне надо побыть одному, выходи!

Валери подняла руки, давая понять, что сдаётся, и вышла

из машины. Тотчас же машина сорвалась с места и через секунду на горизонте от неё осталась лишь чёрная точка.

– Хорошо, делай, как знаешь!

* * *

Влетев в свою квартиру как ураган, он яростно хлопнул дверь, отчего она с грохотом закрылась. Не заметив этого, Валентин начал судорожно ходить по комнатам, круша всё вокруг. Он искал доказательства, доводы, знаки, что-нибудь, что говорило бы о том, что он женат.

Подбежав к шкафу, он высыпал все вещи на пол, но находил только мужские, только его. Ни намёка на Валери! Из комода вылетели все документы, папки, книги.

– Ничего полезного, всё сжечь! К чертям!

Схватив бутылку крепкого выдержанного виски, он сделал глоток и с размаху кинул её в зеркало.

– Что это за бре-е-ед? – он кричал что было силы, надеясь получить ответ. – Чья эта долбанная шутка?!

Его трясло от ситуации, в которой он оказался и никак не мог выбраться.

Перевернув квартиру вверх дном и не найдя ответа, он подошёл к бару, открыл ещё одну бутылку и прислонился к горлышку, словно это были губы любимой женщины.

– Валери, помоги мне! – сделав глоток, потом ещё один, он почувствовал, как огненная жидкость с лёгкостью потек-

ла в желудок, будто лава из проснувшегося вулкана. Опустошив полбутылки враз, он упал на смятую кровать и забылся тяжёлым сном.

– Я тебя ненавижу, ты предал меня, все наши чувства выбросил на помойку!

– Валери, между нами ничего не было, наверно, я не помню. Я ничего не помню, мои провалы в памяти сводят меня с ума.

– Я не хочу тебя больше видеть, никогда, ты слышишь меня? Слышишь?

– Валери, прости меня, давай всё забудем и начнём сначала. Эта девушка мне никто, я тебя люблю, одну тебя!

– И поэтому ты с ней переспал, мразь! – Валери ходила по комнате, заламывала себе руки, чтобы не чувствовать боли в груди. – Я ухожу, не ищи меня больше. Мы больше не вместе, всё кончено!

– Малыш, Лисёнок, ну не уходи, пожалуйста, прости меня... Прости меня! – мужчина упал на колени, обнял ноги любимой женщины и заплакал.

Как удержать человека, если уже предал, причинил боль, растоптал все чувства? Никак! Отпустить сейчас, чтобы потом, спустя время, забыв прежние обиды, начать всё сначала...

– Мне нужно поговорить с Валери, пустите меня к ней! Я её муж, я имею право увидеть свою жену. Хотя бы скажите, как она себя чувствует?

– Валентин, вам лучше уйти отсюда, Валери не хочет вас видеть. Я скажу больше, она начала принимать новый экспериментальный препарат, который стирает прошлые воспоминания. Все воспоминания, на протяжении последних пяти лет. Это значит, она не будет вас помнить, а встретив на улице, не узнает.

– Не может быть, вы что, шутите? Дайте мне увидеть мою жену! Пустите меня, пустите же! – Валентин побежал в сторону палаты, где лежала Валери, и ворвался внутрь. Следом за ним вбежала охрана и схватила неугомонного мужчину.

У окна сидела девушка, прижавшись к стене, и смотрела на всё непонимающим взглядом. Вырвавшись из цепких рук, Валентин бросился к любимой и стал целовать лицо, глаза, волосы, которые так любил. И этот запах ванили, её запах! Девушка никак не реагировала, словно находилась не здесь. Она смотрела не моргая на мужчину, и ни одной эмоции не отражалось на её лице.

– Сейчас она никого не узнаёт, ни друзей, ни знакомых. Никого, кто у неё появился за последние пять лет.

– Но как, как же так? Я не понимаю, мы же любим друг друга!

Врач пожала плечами, давая понять мужчине, что это его проблемы, и вообще у неё нет времени.

– Мистер Кларк, вам запрещено здесь находиться, по указаниям миссис Кларк. Прошу, пойдёте, иначе мне придётся вызвать полицию.

Валентин встал, посмотрел на Валери, которая стояла у окна, не обращая внимания на незнакомых людей. Сгорбившись, похоронив душу, вышел из палаты.

– Доктор, дайте мне такие же таблетки, я всё хочу забыть. Мне эта боль не нужна, иначе я не выживу, – он схватился за сердце и упал, мгновенно потеряв сознание. Когда он очнулся, то подумал, что всё кончено, но имя Валери моментально всплыло в голове и сердце снова заняло.

– Я так больше не могу, кто-нибудь, помогите мне! – он кричал, пока не появилась врач.

Валентин подписал все необходимые бумаги и стал ждать лекарства.

– Мистер Кларк, запомните, через сутки, когда лекарство полностью всосётся в вашу кровь, вы забудете свою жену. Обязательно принимайте лекарства и приходите раз в полгода на приём. Ни в коем случае не встречаться с женой и не касаться её. Не целовать, не обнимать! Если вы узнаете знакомый запах, вкус, цвет, музыку, возможны проблески в памяти. Лекарство экспериментальное, запомните это! Никаких контактов.

– Я всё понял, колите уже! Не медлите! Прощай, Валери...

* * *

Валентин резко очнулся, словно вынырнул из толщи во-

ды, которая его чуть не раздавила. Сделав глубокий вдох, схватился за голову: адская боль разрывала её на куски, не давая думать.

– А-а-а, Валери, я всё вспомнил, жена моя, любовь моя, я иду к тебе! – он вскочил с кровати и тут же упал, споткнувшись о пустую бутылку виски. – Чёрт раздери этот алкоголь, когда-нибудь он меня убьёт!

Найдя в бардаке таблетку от головы, выпил её вместе с чёрным густым кофе, принял душ, не забыв натянуть брюки и рубашку и выбежал из квартиры. Куда ехать, он знал: Валери до замужества жила у бабушки. Туда он и поехал, купив по дороге букет её любимых пионов.

Дверь открылась. На пороге стояла Валери, с мокрыми волосами, капли с которых стекали на пол. На ней было полотенце, оно прикрывало всё самое запретное. Валентин протянул букет цветов. Полотенце соскользнуло и упало.

Девушка ахнула, но Валентин уже подхватил Валери на руки и жадно впился в губы как в источник живительной влаги. Он так долго этого ждал, мечтал, грезил, что совсем забыл, насколько сильно любит.

Они не заметили, как оказались в спальне. Валентин опустил жену на белоснежные простыни, сорвал с себя всю одежду и, не сказав ни слова, быстро овладел рыжей красавицей. Девушка вскрикнула от такого напора, но через мгновение включилась в эту сексуальную игру в надежде победить. Поцелуи ложились на горячую кожу и мягко переходили

ли в покусывания. В унисон губам включались пальцы, исследуя каждый миллиметр вожделённого тела, чтобы ничего не пропустить. Запахи двух разгорячённых тел смешивались, образуя палитру ароматов, которые были сладки только этим двоим. Они не могли насладиться, напиться, пытаясь восполнить то время, что не были вместе, каждую минуту, секунду, что не любили и не желали. На пике блаженства мир взорвался миллиардами звёзд, и они утонули в объятиях друг друга.

– Валери, милая моя, я люблю тебя, ты знаешь, очень сильно!

– Я знаю, и наша любовь разрушила все обиды и противоречия, которые были между нами.

– Расскажи мне, как ты нашла меня? Ведь если бы не ты, мы бы не вспомнили друг друга.

Валери обняла мужа, улыбнулась и произнесла:

– Это получилось забавно и очень странно. Вчера утром, когда мы с тобой встретились, я шла в галерею. Проверяя телефон, я увидела незнакомый номер, который был записан, как Валенок Буратино. Не поняв, кто это, я решила позвонить. Набрав номер, я как раз оказалась рядом с твоей машиной. Вдруг услышала знакомую мелодию, нашу мелодию, мы с тобой танцевали под неё на свадьбе! Подойдя к машине, я увидела телефон, а на дисплее была моя фотография. Представляешь! Естественно, я удивилась и полезла в машину, посмотреть, точно ли там я. И в этот момент мои

очки слетели и потерялись.

– Вот это да! Поистине мы должны были встретиться, и никакие преграды и причуды, которые живут в этой маленькой рыжей головке, нам не помешали бы. Верно?

– Причуд там действительно хватает, но запомни, мой дорогой, если ты мне снова изменишь, я пойду на крайние меры.

– О чём ты, милая, больше никогда! Что за крайние меры?

Любовь нечаянно нагрянет

Автор: Дина Якубова @neptun.art

Иллюстратор: Виктория Пеннер @viktoriya_viktoriya_arts

Я бежала мимо унылых вечерних улиц. Лил затяжной дождь, и я не понимала, от чего моё лицо мокрое – от назойливых капель или слёз. Я остановилась у маленького старого парка, где так любила гулять в детстве.

Пасмурная осень. Тонкие ободранные деревья качались под промозглым ветром. Старые лавочки, облезшие и грязные, блестели от воды. Но мне было всё равно, где присесть. Пустынно вокруг. Я чувствовала, что я одна во всём мире.

Почему это происходит со мной? Чем я заслужила такое отношение? Я всегда была готова на всё ради него.

С любимым Вениамином я познакомилась в институте. Высокий брюнет с голубыми глазами сразу привлёк моё внимание. И не только моё. Многие девушки факультета были влюблены в него. Я поняла, что нужно действовать, и доказывала свою любовь ежедневно. Я писала ему курсовые и помогала с дипломной работой. Я угощала его домашними пирогами, приглашала на романтические ужины, совершенствуясь в искусстве кулинарии. Даже похудела на десять килограмм. Я мечтала, что Вениамин предложит мне встретиться. И это случилось! Самый счастливый день в жизни.

Родители подарили ему квартиру после окончания учёбы,

и мы стали жить вместе. Я была на седьмом небе: теперь ты увидишь, любимый, что принял правильное решение!

Но я замечала, что Вениамин нравится девушкам, и когда мы гуляли, некоторые из них многозначительно улыбались, глядя на нас. Это сводило меня с ума.

– Почему они так смотрят? – растерянно спрашивала я.

– Они просто нам завидуют.

Но я с трудом верила ему. Я стала утомлённой и раздражительной. Ревность съедала меня изнутри. Я заходила в его электронную почту, искала в его вещах... Что искала? Сама не знаю. Когда Вениамин задерживался на работе, мной овладевал противный липкий страх. Я представляла, что посторонняя женщина прикасается к нему, и сердце останавливалось, а в душе просыпался гнев. Я будто стояла на краю крыши высокого дома и смотрела вниз.

Я стала замечать, что от любимого иногда пахнет сладкими духами с насыщенным восточным ароматом.

– От тебя как-то странно пахнет.

– Тебе кажется.

Он стал позже возвращаться, а по выходным пропадал, как он говорил, с друзьями. Я не находила себе места.

А на днях я уезжала к родителям. Пришлось вернуться пораньше – вспомнила о неотложных делах. Зайдя домой, я увидела красивые женские туфли. Ноги подкосились, но пошла дальше. Любимый сидел на кухне, обнимая какую-то девушку. На столе была бутылка недешёвого вина и делика-

тесы. А меня он не баловал вкусами.

– Люся, привет... – Вениамин немного оторопел. – Я не ожидал тебя так рано. Познакомься, это Екатерина Георгиевна, новый менеджер. Мне нужно ввести её в курс дела, мне поручили...

Девушка сидела, смущённо потупив взгляд.

– Что ещё расскажешь? Совсем меня за дуру держишь, да? Убирайся, тварь! – закричала я, и девушка поспешно ушла.

– Ты всё не так поняла...

– Мог бы и предупредить, что бабу в гости позовёшь!

– Я хотел тебе рассказать, но ты меня не слушала, ты смотрела сериал, как всегда.

– Подлец!

Почему я так измучена? Ведь раньше я была совсем другой. «Нет ничего хуже, чем любить кого-то, кто никогда не перестанет тебя разочаровывать», – вдруг вспомнила эту фразу. Я прочитала её в каком-то любовном романе с банальным хэппи-эндом.

Плащ намок и стиснул меня влажными объятиями. Не чувствовалось холода. Мысли напоздали одна на другую, не давая покоя. Так я впала в забытие.

Я проснулась, с удивлением обнаружив себя в каком-то странном месте. Боже! Я лежу на подстилке из сена, моя одежда совершенно сухая, да и что это за одежда? На мне ситцевое платье в мелкий цветочек. Где мой маникюр? Что происходит?

– Нинка, ты что там, уснула? Ещё свинью кормить надо! – услышала я женский голос.

Я решила осмотреться и вышла в огород. Там трудилась, согнувшись над пышным кустом смородины, женщина средних лет в косынке и простом коричневом платье.

– Какой сейчас год? – спросила я.

– Ты что, Нинка, ума лишилась, что ли? Пятидесятый идёт! Пять лет как война кончилась, всё ещё переживаешь из-за Пети? Хватит уж. Девка ты молодая, пригожая, разберут. Вон Ванька каждый день тут ошивается. Полно уж вздыхать. Иди лучше картошки начисти к супу.

Я была в замешательстве. Где я? Зашла в дверь со стороны огорода и попала в дом. Деревянный пол скрипел под ногами. Я искала зеркало. В комнатах было очень бедно и мало мебели. Наконец нашла маленькое зеркальце на столе. Взглянула и чуть не упала! На меня смотрела сероглазая блондинка с чуть вздёрнутым носиком. Это же не я! У меня русые волосы и карие глаза, и длинные наращённые ресницы!

Мне не хватало воздуха. Я выбежала из дома за ворота. На деревенской улице стояли одинаковые невзрачные дома. Вдруг увидела, что кто-то едет на велосипеде. Это был симпатичный молодой человек в светлой рубашке. Он остановился и протянул мне букет ярких полевых цветов – васильков, колокольчиков и ромашек.

Я смутилась:

– Спасибо.

– Доброе утро, Ниночка, – он слез с велосипеда. – Как спалось тебе сегодня?

– Ммм, хорошо, – не знала, что ответить.

– Ты сегодня какая-то другая, не такая, как обычно. Эх, Ниночка. Я ночь плохо спал, всё думал о тебе. Не иначе, как околдовала ты меня, – он смотрел на меня, и от его взгляда струилось тепло. Это был не тот огонь, когда тебя раздевают глазами. А нежность, согревающая в самый лютый мороз. – Поехали к озеру?

– Давай.

Я держалась, обняв его. Мы мчались мимо деревянных домов, невысоких построек, сараев. По просёлочной дороге шли женщины с авоськами и тяжёлыми сумками. Бегали дети. На поле паслись коровы.

Мы приехали к берегу и остановились у раскидистой берёзы.

– Давай здесь посидим.

Он достал из котомки бидон с молоком, два стакана и пирожки, завернутые в платок.

– Мать вчера пекла, с луком. Попробуй, вкусные!

– Ммм, правда, – я улыбнулась. Действительно вкусно.

– Чудесная погода сегодня. Я так рад, что получилось встретиться с тобой.

Он взял мою руку в свою и посмотрел на меня.

– Ниночка, я не видел девушки краше тебя. Я знаю, что

ты ещё вспоминаешь его. Но я хочу, чтобы ты знала, что я настроен серьёзно. Я попрошу у тёти Светы благословения. Жильё нам дадут, я на хорошем счету. Председатель так и сказал: «Иван Дмитриевич, отличные результаты показываете! На доску почёта вас!»

Он говорил ещё что-то, а я не слушала, только глядела в его лучистые глаза, в которых, казалось, бегали золотые искорки. Под лёгкой рубашкой прорисовывалось крепкое мускулистое тело. Мне хотелось потрогать его, и я удивилась этому желанию.

Мы плескались в озере, как маленькие дети. Вода была освежающей. Я давно не испытывала такой радости.

– Ниночка, я всегда буду помнить этот день, – прошептал он, притягивая меня к себе. Его губы прикоснулись к моим губам. Я издала тихий стон. Его большие руки ласкали меня, и невероятная жажда завладела мной. Какой же запах исходит его тело! По коже пробежала мелкая дрожь. Его пальцы коснулись моего бедра, и между ног разгорелся костёр.

– Хочу тебя! – я страстно мечтала, чтобы он скорее проник в меня. Когда это произошло, я окунулась в безграничное счастье. Все мысли исчезли, осталось только ощущение блаженства. Каждая клеточка тела наслаждалась. Миллионы звёзд будто пронеслись перед глазами. Потом я лежала на его груди, а он целовал мои волосы. Я расслабилась и уснула.

Очнувшись, я обнаружила себя лежащей на скамейке в парке. Как? Неужели это был сон? Эх, что только не увидишь

в царстве Морфея! Я направилась домой. День был солнечным и ярким.

– Прости меня, – воскликнул Вениамин, когда я вернулась, – у меня ничего с этой девушкой не было, клянусь тебе!

– Мне всё равно, – сказала я.

Я набрала полную ванну тёплой воды, добавила ароматных масел, разделась и погрузилась в неё. Впервые за долгое время я ощущала душевный покой. Неважно, что будет дальше. Главное, что я есть здесь и сейчас.

Позже, когда я хотела достать телефон из плаща, я обнаружила в кармане увядший букетик полевых цветов. Спасибо тебе, Ваня.

LD

Надо жить

Автор: Алла Тузенко @tuzenkoalla

– Чего кислая такая? – в кабинет ворвался рыжий ураган по имени Софья. – Случилось что? Или грусть-тоска от того, что ничего не случилось?

– Пал Палыч просил зайти, вот сижу и настраиваюсь.

– Дура ты, Ленка, вот как есть – полная дура. Такой мужик за тобой ухаживает: взрослый, с деньгами, с недвижимостью, при гавриле, как говаривал мой дед, – Соня, присев на подоконник, любовалась своими стройными ножками.

– Вот и забирай его себе, со всеми гаврилами: однотонными, в горох и в полоску, и будет тебе счастье. И ему, может быть, если сумеет тебя обуздать.

– Молчу, молчу, – рыжая бестия картинно закрыла рот ладошкой и жеманно закатила глаза, – вы же у нас фифа странная, вам нравится быть матерью-одиночкой. Этакой сильной женщиной, гордо несущей груз проблем. Ладно, подруга, не кисни, если утро не задалось – это ещё не вечер.

Пал Палыч, как всегда, загрузил работой, заметил, что у меня усталый вид и предложил на выходных втроём сходить в кафе и полакомиться мороженым. Время и кафе на наше усмотрение. Он отвезёт, выгуляет и вернёт всех домой – отдохнувших и в отличном настроении.

Ага! Новая тактика – подружиться с сыном и приручить

маму! Пришлось шефа разочаровать. Эти выходные у нас заняты. Мы едем на дачу к родителям справлять юбилей. Нас заберут, можно не беспокоиться, всё продумано до мелочей. Шеф задумчиво посмотрел на меня, сказал, что к этому вопросу мы ещё вернёмся, и пожелал продуктивного дня.

День получился суматошным и непродуктивным. Спасибо Соне, что напомнила о конце рабочего дня, и я побежала в сад за сыном.

В группе четырёхлеток Федя, на мой субъективный взгляд, был самым красивым и самым смышлёным мальчиком. Он что-то рисовал, от усердия высунув кончик языка. Ирина Вячеславовна, наш воспитатель, заметила меня:

– Федя Рокотов, за тобой мама пришла.

Сын быстро попрощался со всеми и, сверкая синими глазёнками, побежал ко мне, крепко держа рисунок.

– Привет, сынок! – я поцеловала чёрный хохолок на макушке. – Как ты? Я так по тебе соскучилась...

– И я соскучился, – Федя прижался ко мне и закрыл глаза. – Мам, смотри, что я нарисовал: это я. Видишь, какие волосы? Это ты – красивая, с бантиком. Белый карандаш совсем не рисовал на листке, и я тебе сделал жёлтые волосики. А это мой папа – он большой и сильный, как супергерой. Нравится?

– Очень красиво! – сказала я и поняла, что время вопросов и ответов пришло. Ладно, об этом я подумаю позже, а сейчас – домой.

Федя не умел ходить, держась за руку. Вокруг было столько неотложных дел: попинать бумажку, подобрать прошлогодние листья, нарвать и вручить мне букет из сухой травы. Наш путь становился длиннее в два раза, но это отвлекало от ненужных мыслей.

Троллейбус подошёл полупустой. Мы сели и стали придумывать ужин.

– Мам, а давай сегодня До-До Пиццу сделаем. С колбаской и сыром, как я люблю. И травку туда можешь бросить... только немного. На одну половину, на ту, что ты будешь есть.

Я сказала, что предложение заманчивое, я подумаю. И тут увидела мужчину.

Эту спину я узнала бы из тысячи. Узнала бы на ощупь, с закрытыми глазами. Крепкая шея и непокорный чёрный хохолок. Это был он. Значит, вернулся. Пять лет прошло, а я помню всё до мелочей. Помню, во что мы были одеты и какая погода была. Помню каждое слово и выражение его лица. Такое трудно забыть.

Это был день рождения Дины Труфановой – нашей Труфальдины. Гуляли на даче всей группой. Поехали с ночёвкой, с гитарой, с ведром мяса, с пивом и самогоном. Если не ошибаюсь, этот самогон Пашка из Воронежа притащил. Целую трёхлитровую баклажку. Веселились мы здорово! Выпускной курс, через месяц защита дипломов и Hart arbeiten. Все всё друг о друге знают: у кого любовь, кто кого бросил, кто кого встретил. Мы были честны и открыты. И никто не

мог предположить, что этот праздник закончится бедой.

Я и Ромка были парой. Говорили, что красивой парой. Он высокий широкоплечий, чуть сутулый брюнет. Я обычная: русые волосы, стандартная фигура, славянская внешность. Но вместе мы были парой с большой буквы. Из тех, кто, вроде, не должны подходить друг другу и всё же прекрасно монтируются. Его горячность я могла потушить взглядом или прикосновением руки. Ходили легенды о его крутом нраве, а я видела Ромыча мягким, похожим на пластилин – лепи что хочешь, главное, лепи с любовью. И любовником он был нежным. Это я теперь знаю наверняка – таких «никаких» познала позже.

В тот вечер мне нездоровилось. Уже через месяц узнала почему, а тогда было просто плохо. Все пили, целовались, танцевали. И мы с Ромкой танцевали и целовались, а потом я пошла наверх спать. А потом начался скандал: почему-то со мной в постели оказался Винников. Горел свет, на нас смотрели. Света, подруга Винникова, кричала и плакала, Ромка Коршун просто смотрел на меня. Я ничего не понимала, а Винников так и не проснулся.

И это было не самое страшное. Ужас начался позже. Света сделала криминальный аборт и месяц провела в больнице. Со мной никто не разговаривал, с Винниковым тоже. Выпускного вечера не было, получили дипломы и разъехались. С Ромой я так и не поговорила – он не хотел, а я не знала, что сказать. Оправдываться мне было не за что.

Он вышел на нашей остановке. Я предложила сыну поехать дальше и купить всё, что нам необходимо для пиццы. Так мы и сделали.

Через неделю мы всё же встретились. Лицом к лицу. Я ждала эту встречу, готовилась, думала, что скажу и всё равно растерялась, когда увидела его. Знакомый голос окликнул:

– Лена?! Привет! Тоже здесь живёшь? А мне говорили, что ты уехала из города, – он с интересом разглядывал меня, а я украдкой рассматривала его.

Ромыч совсем не изменился: сверкает синими глазами, улыбается, и руки не знает куда пристроить.

– Привет, Роман! В гости приехал?

– Я в этом районе квартиру купил, вот обустраиваюсь. Какая ты...

– С семьёй приехал? – я не знала, что говорить.

– Не получилось у меня семьи. Нет ни жены, ни детей... Да ты должна помнить Аллу, вы в общежитии вместе жили.

Конечно, я помнила Алку – грудь третьего размер, походка от бедра, реснички хлоп-хлоп, пальчики с маникюром. Было удивительно, как её в общагу занесло. И ещё я помнила, как она облизывалась, глядя на моего парня. И на даче, в тот злополучный вечер, она тоже была. Я помнила всё, но не призналась. Много чести.

– А ты как, Лена? Семья? Дети?

– Да, Рома, у меня семья: сын Фёдор, работа... всё хорошо, – здесь мне врать не пришлось. – Рада была тебя пови-

дать. Извини, мне пора.

Я помахала рукой и побежала к остановке.

После этой встречи я не находила себе места. Прокручивала наш разговор. Придумывала новые правильные слова. Мечтала о встрече. Шефа старательно избегала. Надо было прямо сказать Палычу, что у нас ничего не получится, но мне было его жаль, и я искренне надеялась, что всё само собой рассосётся – может, встретит кого-нибудь и влюбится.

Софья, узнав о приезде моего бывшего, разрабатывала планы встреч, я отмахивалась от её сценариев, а Федя каждый вечер просил пиццу и рисовал папу-героя.

В пятницу, после садика, мы решили устроить себе маленький праздник и пошли в пиццерию. Это было новое, недавно открытое заведение, с очень аппетитной рекламой.

Внутри оказалось уютно: тяжёлые грубые столы, на стенах канаты и настоящие рынды. Пахло корицей, свежей выпечкой и кофе. За стеклом витрины большой выбор блюд и напитков. Возле входа красивая надпись: «Говорят, есть такая связь, что не важно, сколько раз ты еёрываешь. Всё равно встретитесь».

Федя наелся, напился и, довольный, пошёл в детский уголок рисовать, а я пила мятный лимонад и смотрела телевизор.

– Мамочка, смотри! Я человека-паука нарисовал.

– Федя, ты у меня художник! Красиво получилось, – я совсем не лукавила. Сын с каждым днём рисовал всё лучше.

– Можно я домой его заберу? – ребёнок ждал моего одобрения.

Я засомневалась. Надо было спросить.

– Пойду и узнаю, – малыш смело отправился в рабочую зону.

– Можно, пожалуйста, я заберу этот рисунок! Очень вас прошу! Прямо умоляю!

Ему казалось, что когда громко, то не так страшно. На шум и хохот вышел хозяин кафе. Перед ним стоял синеглазый малыш с хохолком на макушке. Смелый, смешной мальчишка в клетчатой рубашке был на кого-то похож. «Может, я видел его где-то? На детской площадке или здесь, в пиццерии?» – мужчина рассматривал карапуза.

– Вы здесь главный? Я хочу забрать человека-паука. Можно? – Федя истратил весь запас смелости и собирался заплакать.

– Такому смелому и вежливому мальчику мы подарим весь альбом. Где твои родители?

Федя побежал ко мне, за ним шёл симпатичный мужчина. Я всматривалась в лицо и думала: «На кого он похож?»

– Здравствуйте! Меня зовут...

– Фёдор! Винников! Неужели я так изменилась? Не узнаёшь? Я Лена. Лена Рокотова. Вспомнил?

– Батюшки мои... Ленка! А это, значит, сынишка твой? Зачётный мальчишечка! Даже завидую, – Фёдор погладил маленького Федю по голове, – а как зовут сорванца?

– Федя.

– Да ладно... Тёзка, значит. Будем знакомы, Федя! Меня зовут Фёдор Иванович, – два Фёдора пожали друг другу руки. – Лен, как ты живёшь?

– Хорошо живу, Винников. Сын у меня, работа. Всё как у всех.

– Ты знаешь, что Ромка приехал?

– Знаю, Федя, мы встречались. Развёлся он, поэтому вернулся. Уже квартиру здесь купил.

– Значит, виделись. А про сына сказала? Это же надо как похож – одно лицо! Если бы не увидел своими глазами, не поверил.

Я пожала плечами:

– Зачем ему об этом знать? Он меня легко вычеркнул из своей жизни. Не вспоминал. Не думал.

– Ну да. Нас тогда с тобой все вычеркнули. Стёрли ластиком. А я до сих пор не знаю, как на второй этаж попал. Точно помню, что кто-то тащил меня и раздевал. И запах какой-то помню...

– Ладно, Винников, нам пора. Будем заходить к тебе иногда, если ты не против, и жена не заревнует.

– Я не женат. Белое Светино лицо на больничной подушке стоит перед глазами. И не пью совсем, как бабка отшептала.

Надо же, за месяц две встречи. Возвращаются домой ребята.

Вновь с Ромкой я столкнулась во дворе нашего дома сле-

дующим вечером. Возле мусорного бака. Хорошее место для встречи. Ароматное. Пришлось сказать, что живу в этом же доме, в третьем подъезде. Кажется, ему это не понравилось, да и ладно, потерпит.

Федя ждал меня на детской площадке, что-то усердно раскапывая в песочнице. Я села на скамейку и закрыла глаза.

Вот и тепло к нам пришло. Скоро всё зазеленеет, зацветёт сирень. Пал Палыч станет намекать на отпуск втроём (надо придумать весомые отговорки), Федя поедет к родителям на дачу, я недельку посмотрю сериалы, а потом придумаю чем заняться.

Кто-то присел на скамейку, и я открыла глаза. Роман не отрываясь смотрел на маленького Федю. Перевёл взгляд на меня. Синие глаза почернели, на скулах заиграл желваки:

– Твой муж знает, что растит чужого ребёнка? Как ты посмела скрыть от меня сына? Какая ты всё же, – он задохнулся, – правильно Алла говорила, не любила ты меня никогда!

Я снова закрыла глаза. Каким ты был, таким остался. И успокоить тебя некому. Почему так обидно? Так больно... Поревела бы сейчас навзрыд, раскачиваясь и подвывая, да сыночка боюсь напугать. Феденьку-ангелочка моего. Безотцовщину... Эх тебя, мать, понесло! А ну, рули в другую сторону! Будет ещё какой-то Ромка Коршун мне выговаривать! Кто он такой?! Никто! Я и имя его забыла. Грубиян!

Неделя была бесконечная: планёрки, отчёты, садик. Соня-ураган рассталась с бойфрендом и нуждалась в поддерж-

ке, папа приехал в больницу на обследование, и мне надо было готовить обеды. Я забегалась.

К пятнице всё утряслось и наладилось. Папу проводила в деревню, Пал Палычу отказала в воскресном ужине, созвонилась с Винниковым и заказала столик на четверых.

В пятницу я, маленький Федя, Софья и Фёдор Винников дружно ели пиццу. Сонька вдруг сдулась и от урагана остался маленький сквознячок. Она краснела, бледнела, не шутила и не гоготала, демонстрируя всем свои хорошие зубки. Методом исключения я пришла к выводу, что так положительно на рыжую бестию влияет мой однокурсник. Фёдор, ты – сила! Фёдор, эй! Очнись! С нами шикарная длинноногая красотка, и она запала на тебя. Ладно, с Винниковым об этом в другой раз поговорю, а пока будем отдыхать.

В субботу я разрешаю себе поваляться подольше, никуда не надо бежать. Но не в этот раз. Кто-то настойчиво давил на звонок. На лестничной площадке стоял Коршун.

Я молча смотрела на него.

– Лена, я безмозглая скотина. Я не знал, что ты одна. Бедная моя! Сколько ты пережила...

– Ром, ты закончил самобичевание? Можно я, в свой законный выходной, отдохну? Пока.

– Подожди, подожди, Леночка! Ты иди, отдыхай, а я, если можно, с сыном познакомлюсь. И завтрак приготовлю.

– Коршун, иди домой! – я решительно закрыла дверь.

К полудню мы с Федей вышли на улицу. Во дворе гуля-

ла соседка со своими детьми. Маленький Фёдор с радостью остался с ними, а я пошла в магазин.

Каждый раз, перед магазином, думаю написать список нужных продуктов и каждый раз забываю. Руки автоматически кидают в корзину всё вредное, оседающее на талии. Этот поход в магазин не стал исключением.

Два пакета, доверху набитые продуктами, смотрели на меня, а я смотрела на них. Была не была! Мне бы коромысло на плечи, да пакеты подцепить. И пошла бы я лебёдушкой грациозной, слегка покачивая бёдрами. А без коромысла, с этими пакетами, которые оттянули руки до земли, я похожа на ослика.

Не успела я представить себя ушастым животным, как сзади раздался голос: «Девушка, не знал, что вы так много едите!»

– Фёдор, дружище, как хорошо, что мы встретились! – обрадовалась я. – Мне надо с тобой о Сонечке поговорить.

– Лен, не надо об этом говорить. Я не дундук и не слепой, всё понял сразу. Но я не могу! После того, что натворил... со Светой и с тобой – не могу! До сих пор себя не простил.

– Винников, ты что?! Всё в прошлом. Света замужем. Дочку растит. Жизнь продолжается.

– Нет мне прощения, и жизни у меня быть не может. Я сломал пять судеб, не считая своей.

Мы шли рядом и молчали. Было так жалко друга, но я понимала, что он чувствует и о чём говорит.

На площадке меня ждал сюрприз. Ромыч помогал моему сыну залезть на горку по канату. Федя кричал, что не маленький и может залезть сам, без посторонней помощи, а Коршун хотел сделать всё быстро: схватил, поднял, поставил.

Оба смутилась и замолчали, когда увидели меня с Фёдором. Ромка недовольно засопел, а Федя вспомнил, что нельзя общаться с незнакомыми людьми.

– Лена, здравствуй. Мы тут с Федей играем.

– Мама! Это дядя Рома. Он такой сильный! – сын виновато улыбался. – Дядя Фёдор, здравствуйте. Вы к нам в гости придёте? Мне надо вам новую машину показать. Настоящий джип.

Маленький Федя прыгал вокруг Винникова, Роман недовольно морщился и молчал. Потом грустно попрощался с нами и пошёл к своему подъезду.

– Ром, подожди, – окликнул его Фёдор, – я хотел сказать, что Труфальдина приезжает. Может, соберёмся? Поболтаем, юность вспомним. Лен, найдёшь с кем мальчишку оставить? Динка всего на три дня приедет.

Встретились мы в среду. Динка совсем не изменилась. Всё такая же красивая, молодая, жизнерадостная. Год назад вышла замуж и живёт в Праге.

– Дина, ты совсем не изменилась, – я искренне радовалась этой встрече, – такое постоянство – причёска и парфюм прежний.

Фёдор пристально смотрел на гостью, принюхивался, а

потом сказал: «Прекрасно помню этот аромат. Он преследует меня пять лет. Это ты меня в спальню привела?»»

Дина заплакала и рассказала, что в тот вечер проиграла желание Алле. Поэтому пьяное тело однокурсника пришлось тащить на второй этаж, раздевать и укладывать ко мне в кровать. Она хотела позже посмеяться со всеми вместе, но увидела, что Фёдор спит, обнимая меня, а на спящих, дикими волчьими глазами смотрит Коршун. Света стала терять сознание, и Динка испугалась. Потом страшный аборт, борьба за жизнь, общий бойкот. Два года назад Труфальдина обвинилась перед Светланой, потом вышла замуж и уехала в другую страну на ПМЖ.

Картинка сложилась. Всё точки расставлены. Обвинения сняты. Надо жить. Я обняла Фёдора и сказала: «Теперь всё будет хорошо и, вместо слов о судьбе и обязательной встрече, мы напишем в твоём чудесном кафе слова А. Кондратова:

*А жить-то надо! Надо жить!
Жевать, желать, тужить, служить,
Ходить в кино, носить пальто,
О чём-то говорить – «не то»
О ком-то помнить, чем-то быть...
Ведь жить-то надо!
Надо жить!»*

Если я скажу, что после нашего разговора всё кардинально поменялось, и все стали счастливы, то совру.

Винников учился ухаживать за Соней. Коршун старался дружить с маленьким Федей и уговаривал меня всё начать с нуля. Я не совсем понимала, как всё забыть и как доверять взрывному Ромке, поэтому избегала таких разговоров. Сколько бы это длилось – не знаю, но вмешался случай.

Мой день рождения пришёлся на рабочий день. Пал Палыч предложил после работы всем остаться и скромно отметить это событие. «Скромно» – слова шефа. Стол ломился от еды: канапе, бутерброды всех мастей, закуски и шампанское. Меня целовали и говорили заздравные тосты. Палыч пришёл позже всех с огромным букетом роз и конвертом. Немного помялся, а потом сказал, что желает мне счастья и, что бы я не решила и кого бы не выбрала, это не изменит его отношения. Все закричали: «Уррра!» Зазвенели бокалы, шеф подошёл ко мне и поцеловал руку, а я поцеловала его.

Это увидел Ромка. Зачем он пришёл – вопрос открытый. – Я чувствовал, что ты не просто так меня отталкиваешь! Сына не пожалела! Только о себе думаешь! – мой бывший буквально выплёвывал слова. – Дрянь! Шлюха!

Я смотрела на свою первую любовь и понимала, что совсем не знаю этого парня. Я придумала его. И эту фантазию полюбила.

Озверевший Ромыч схватил со стола бутылку и замахнулся. Инстинктивно я закрыла лицо и голову руками, но удара не последовало. Интеллигентный Пал Палыч схватил непрошеного гостя за руку и вывернул её. Началась драка. Коршун

ударом сбил шефа с ног, но тот поднялся и вновь набросился на Ромку. Хорошо, что ребята не растерялись: быстро скрутили грубияна и вытолкали на улицу.

Из разбитой губы шефа текла кровь. Соня суетилась, пыталась помочь и повторяла одно и то же: «Какой вы герой, Пал Палыч! Как вы его ловко отлупили! Какой вы герой!»

– Сонечка, – раненый поморщился, – мне приятно быть героем, но если быть до конца честным, то отлупили меня...

Я смотрела на своего интеллигентного шефа и удивлялась. Где раньше были мои глаза? Почему не замечала крепкий подбородок и красивую форму губ? А пальцы! Он потирает разбитые косточки такими красивыми пальцами...

Я мягко отодвинула подругу и сказала:

– Паша, пойдём в кафе. У меня сегодня праздник и вечер свободный. Я хочу провести его с тобой.

Не первая, но единственная

*Ты можешь быть у него ни первой,
ни последней, ни единственной.*

Он любил перед тем, как полюбить снова.

Но если он любит тебя сейчас, что ещё не так?

Боб Марли

Автор: Наталия Бертина @nata_bertina

Иллюстратор: Инна Зубок @innazu

Глава 1

Дериан покидал швейцарскую выставку Basel world с глубочайшим чувством удовлетворения. Ещё бы, он гордился своими результатами. Ведь у него в портфеле награды и заветный контракт.

Войдя в номер пятизвёздочного отеля, он немедленно снял черный пиджак и белоснежную рубашку, которая эффектно оттеняет цвет его смуглой кожи. Не любит он эти дресс-коды.

Спустя несколько минут в такси до аэропорта сажился преображённый в путешественника Дериан. Водитель с любопытством поглядывал на его чёрную повязку, прикрывающую правый глаз. «Кто он?» – тщетно пытался угадать так-

сист.

Дериан – таинственный колумбиец из региона Музо с индейскими корнями и испанским именем. Хорошо известный в своих кругах и тщательно скрывающий род деятельности в общении с незнакомцами.

Ещё в молодости он потерял правый глаз и с тех пор демонстративно носит чёрную повязку. Для него она символична. Для любопытных наблюдателей – способ запутаться в логических предположениях.

Не смотря на пятидесятитрёхлетний возраст, он обладает атлетическим телосложением и ста девяносто двумя сантиметрами роста. Его телом можно восхищаться, словно греческой скульптурой, только отлитой в бронзе. Суровые морщины на лице свидетельствуют о пережитых трагедиях. Он любит путешествовать по миру и посещать культовые здания.

В рамках своей культурной программы Дериан летел во Францию, намереваясь посетить Руанский собор. Он не был религиозен. Несколько лет назад в его душе зародилась страсть: любоваться памятниками архитектуры. Особенно его привлекал готический стиль.

Самолет шёл на посадку. Стюардесса, мило улыбаясь, вручала пассажирам «compliment» от авиакомпании: она протянула Дериану малюсенькую коробочку в форме сердечка с надписью «MARZIPAN heart». Дериан смутился, хотел было подарить комплимент стюардессе, но, покрутив марципа-

новое сердечко в руке, положил его в карман.

День близился к концу, и Дериану хотелось прожить его по максимуму. Из аэропорта он сразу поехал в собор. С несвойственным ему трепетом в душе Дериан открывал тяжёлую дверь древнего строения. Войдя внутрь, он испытал эстетическое наслаждение. Это было что-то космическое, даже оргазмическое.

Лучи вечернего солнца, проходя сквозь мозаику, мерцали разноцветными оттенками. Дериан прошел вглубь и замер в оцепенении. Он тряс головой, закрывал и открывал глаза, даже повернулся вокруг своей оси.

– Не может быть! – произнес он.

Глава 2

– Знакомьтесь! Это Ася. Она будет учиться в вашем классе.

– У неё золотые волосы, – зашептали девчонки.

– И белая кожа, – брезгливо сказал кто-то из парней.

Асины щеки залились краской. Она хлопала длинными ресницами и накручивала на палец локон золотистых волос.

– И зелёные глаза, – удивлённо отметил Дериан.

Он был высокомерен, учился лучше всех и сидел один за первой партой. Свободных мест в классе не было. Дериану пришлось убрать свой портфель, чтобы освободить стул для новенькой.

С этого момента началась жизнь, в которой он не представлял себя без Аси. Отец Аси был русским послом в Колумбии. Три года пролетели как один день. Контракт закончился, и Ася вернулась на родину. Отец видел привязанность дочери к колумбийскому парню, и, боясь за дочь, ничего не говорил о предстоящем отъезде. Ася уехала, даже не попрощавшись.

Жизнь для Дериана потеряла смысл. Единственное, к чему у него оставался интерес – это наука. Он поступил в университет и изучал геологию. После первого курса была практика в шахте по добыче изумрудов. Случилась авария, в результате которой Дериан лишился глаза. Он перенёс несколько операций. Эстетика вернулась, а зрение нет. Тогда Дериан принял решение носить повязку постоянно. Он надеялся, что это поможет ему избавиться от влюблённых особ. Нет, он не был девственником и давал своей плоти физическое наслаждение, но в его сердце жила только Ася.

Глава 3

– Ася! – сорвалось с его губ.

Рыжеволосая девушка вздрогнула и обернулась. Дериан медленно подходил к ней. Девушка смахнула ладошкой слезинки. И недоуменно смотрела на него огромными зелёными глазами. Дериан нежно прикоснулся ладонями к её голове и повернул к свету.

«Конечно, это не Ася. Но как похожа!» – звучал разочарованный голос в его голове.

– Вы говорите по-английски?

– Да, – прошептала девушка, – я Агнис.

– Почему вы плачете?

– Так, пустяки, девичьи слёзы.

– Интересно узнать, что это за пустяки, от которых принцессы льют слёзы? – мягко, как-то даже по-отцовски поглаживая златовласку по голове, спросил Дериан.

Он не понимал, что с ним происходит. Не узнавал свой голос. Ему казалось, что он состоит из нежности, которой хочется укутать это очаровательное создание.

Дериан вспомнил про марципановое сердечко. Положил его между ладонями и игриво предложил:

– Угадай!

Так они играли с Асей.

Агнис заулыбалась и подхватила игру.

– Ключ, – предположила она.

– Холодно!

– Зажигалка.

– Ещё холоднее!

– Конфета, – не сдавалась девушка.

– Подарок с небес, – улыбаясь, Дериан раскрыл ладони.

Эмоции на лице Агнис менялись мгновенно: восторг, удивление, ужас.

– Нет! – приложив руку к губам, вскрикнула она и побе-

жала прочь.

Дериан замер. Посмотрел на сложенные чашей ладони. В них не было ничего, кроме коробочки с марципаном. Зажав сердечко в руке, он кинулся догонять Агнис.

– Что тебя так напугало?

Она ревела навзрыд, крутила головой и повторяла:

– Нет! Нет! Нет!

Дериан крепко обнял её содрогающееся тело. Лицо Агнис уткнулось в грудь незнакомого мужчины. От слёз он ощущал влажность на рубашке. Под ладонями слышал, как бьется её сердечко и почувствовал, как его сердце настраивается на этот же ритм.

Продолжая всхлипывать между словами, Агнис произнесла:

– Мама... мама, когда вернулась из своей... последней паломнической поездки... привезла мне такое же сердечко. И мы с ней тоже играли в угадайку.

– Как зовут твою маму?

– Ма-му зва-ли Ас-ся, – проглатывая слёзы вместе с комом в горле, дрожащим голосом едва проговорила Агнис.

Сердце Дериана перестало биться. Воздуха не хватало. Казалось, что душа его покинула и наблюдала свысока за ситуацией.

– Где твоя мама? – со страхом и надеждой выдавил он.

– Её больше нет. Около года назад... болезнь забрала её.

Снова приступ удушья, земля уходит из-под ног.

– Возьми себя в руки! – звучал голос с небес.

Он ещё крепче обнял Агнис, опустил голову и заплакал.

Да, он плакал так же, как тридцать шесть лет назад, когда узнал, что Ася уехала. Все эти годы он жил надеждой снова встретить свою Асю. Сейчас он её потерял навсегда.

Время перестало существовать. Одному небесному распорядителю известно, сколько прошло времени, пока Агнис первая пришла в себя.

Ничего не понимая, она спросила:

– Кто вы? Почему вы плачете?

– Я обещаю тебе всё рассказать. Но, предупреждаю, что это длинная история.

– Мне некуда спешить.

– У тебя нет дома? – шутливо спросил Дериан, чтобы хоть немного разрядить обстановку.

– Есть. Но меня там никто не ждёт, – с искренней грустью ответила Агнис.

– Почему?

– У папы молодая жена, чуть постарше меня. У них медовый месяц. Через несколько дней они уезжают в свадебное путешествие. Хотя папа обещал поехать со мной в Южную Америку, чтобы я смогла собственными глазами увидеть, как цветет аннато, и сделать фотографии. Папа занимается производством сыра, и я с детства слышала об этом удивительном цветке, который он боготворит, ведь благодаря этому растению папин сыр имеет уникальный красно-оран-

жевый оттенок.

В умной голове Дериана пазл сложился. Сегодня, как никогда, он доверял не только своему уму, но и чувствам.

Трудно описать словами то, что он чувствовал. Это были новые, ранее недоступные для его восприятия ощущения: волнение и умиротворение, новизна и интерес, мощь и сила, нежность и любовь. Он увидел своё будущее счастье и дал себе слово – беречь Агнис пуще своего единственного глаза.

Дериан снял повязку и положил её в тот же карман, где был марципан. Он ещё не знал, что с ними сделать, но подозревал, что они должны быть вместе.

– Ты увидишь, как цветет аннато! Ты увидишь всё, что захочешь!

Губки Агнис растянулись в знакомой улыбке. «Да, да! Асина копия, – подтвердил голос с небес, – а ведь ты так и не решился поцеловать свою Асю».

Дериан переступил с ноги на ногу, чмокнул Агнис в макушку, прижал с неистовой силой худенькое девичье тело к себе, почувствовал бугорки её маленькой груди и следом невероятной силы возбуждение.

«Нет! Нет! Не спеши! Сейчас ты будешь для неё любящей мамой и заботливым отцом, щедрым волшебником и надёжным другом. Пройдут годы, она сама примет решение, какими будут ваши отношения», – напутствовал голос с небес. «Я согласен», – мысленно ответил Дериан, удивляясь своей новой способности разговаривать с кем-то невидимым.

– Когда ты хочешь поехать?

– Это шутка?

– Это самое серьёзное предложение, которое я когда-либо делал.

Агнис ничего не понимала, но что-то ей подсказывало, что этому человеку можно доверять.

– Я только возьму документы и фотоаппарат.

– Едем! Я поговорю с твоим отцом.

– Как тебя зовут? – опомнилась Агнис.

– Дериан. Для тебя Риа, – так называла его Ася.

Разговор с отцом был короче, чем ожидал Дериан. Он заявил, что Ася его никогда не любила. Ему было всё равно, куда и с кем поедет его дочь.

Самолет взлетел с лёгкостью. С таким же ощущением Агнис вылетала из родительского гнезда. Она не знала, вернется ли домой. Лишь предвкушала сладкие перемены с изысканным вкусом.

Агнис – восемнадцатилетнее невинное, набожное создание с огненно-рыжими пышными локонами, обвивающими тонкую шею. Пухлые алые, не знающие поцелуев, губки выделяются на фоне бархатистой белоснежно-пудровой, без малейшего оттенка загара коже. Изящный, слегка вздёрнутый носик подчёркивает правильные черты юного лица. Изумрудные глазки сияют из-под пышных ресниц. Жила она на севере Франции в деревушке Пеи-д'Ож. Её отец – потомственный сыровар знаменитого сыра. Мама – бывшая модель

родом из России.

Агнис любит фотографировать цветы. И с детства мечтает увидеть, как цветёт растение аннато, чтобы успеть запечатлеть его на фото. Ведь цветок цветёт всего один день. Поглядывая в иллюминатор, она наблюдает за тем, как отдаляется от родной земли и летит навстречу своей юной мечте.

Глава 4

Музыка гремела так, что невозможно было расслышать слова, которые Мел кричала ей на ухо. Какая-то неизвестная Агнис группа жгла рок. Мел после второго бокала шампанского хотелось танцевать. И она вытащила Агнис на танцпол. Мгновенно они оказались в центре зала, где хаотично двигались тела, касаясь друг друга.

Сквозь толпу пробирался качок в чёрной кожаной куртке. Он не сводил глаз с Агнис, подмигивал, показывал ей какие-то знаки и слал поцелуйчики. Когда ему удалось обратиться к Агнис, он грубо схватил её за попку и прокричал хриловатым басом:

– Привет, детка!

Агнис молниеносно ударила его по щеке и устремила за свой столик.

В это время на сцене ночного клуба Caesar's появился Орелсен – французская рэп-звезда.

Танцующая толпа просто обезумела, приветствуя своего

кумира. Они свистели, кричали, визжали, топали ногами, хлопали в ладоши, размахивали светящимися телефонами над головами.

Добравшись до места, Агнис обнаружила, что пуговицы на платье расстёгнуты и демонстрируют окружающим её небольшую грудь, изящно упакованную в бюстгальтер от Victoria's Secret, украшенный по центру колумбийским изумрудом в форме сердца.

Мел поспешила за подругой.

– Ты, что, ненормальная? Это же Боб! О нём вся Нормандия мечтает!

– Значит, я уже не норманка, – попыталась отшутиться Агнис, застёгивая пуговицы на платье.

Взор Мел упал на сверкающий изумруд.

– Он что, настоящий? – с любопытством поинтересовалась она.

– Да. Это Риа подарил мне.

– Крутой у тебя любовник! – с завистью констатировала Мел.

– Он не любовник, – аккуратно поправила Агнис.

– Ты что, вышла замуж и меня не пригласила на свадьбу? – обиженно спросила школьная подруга.

– Да не было никакой свадьбы! И не муж он мне, – оправдывалась Агнис.

– Интересная история! Не муж, не любовник, а ты укатила с ним почти три года назад, даже со мной не попрощалась.

Так кто он?

За то время, которое Агнис провела вместе с Риа, они ни разу не расставались. Очередной визит во Францию, ставший традицией, они планировали заранее и намеревались вместе положить цветы на могилу Аси в день, когда она покинула этот мир.

За сутки до вылета у Дериана случился приступ аппендицита. Операция прошла успешно, но какое-то время ему нужно оставаться в больнице. Агнис хотела отменить поездку, но Дериан убедил её в том, что положить цветы на могилу мамы важнее.

Так Агнис впервые за три года оказалась одна. Она начала скучать по нему, как только ступила на трап самолёта. Звонки и сообщения помогали Агнис справиться с разлукой. Она понимала, что ни возложение букета маме, ни общение с подругой, ни сухая встреча с отцом не компенсируют той душевной атмосферы, которая царит в их отношениях с Риа.

Агнис тосковала по чашке кофе по утрам из его рук, по его голосу. Ей не хватало поцелуя в макушку и поглаживания по голове на ночь. Она прокручивала в мыслях их бесконечные беседы о планах на будущее, в которых никогда не оговаривалась интимная часть жизни каждого из них.

Анализируя всё это, Агнис зависла с ответом.

– Так кто? – настаивала Мел.

В клубе настала пора стриптиза на грани порно, и самые разгоряченные зрители прыгали в одежде в бассейн, дабы

остудить свой пыл.

– Пожалуйста! Пойдём отсюда! – взмолилась Агнис.

– Если уйдём, расскажешь мне всё? – пыталась шантажировать подругу Мел.

Когда Агнис закончила повествование своей истории отношений с Риа, уже ярко светило солнце, заглядывая к ним в окно. Мел молча слушала подругу, то завидуя ей, то радуясь за неё.

– Ты можешь быть у него ни первой, ни последней, ни единственной. Он любил, перед тем как полюбить снова. Но если он любит тебя сейчас, что ещё не так?

– Он любил мою маму.

Глава 5

«Это невыносимо!» – думал Дериан, маршируя из угла в угол по больничной палате. Его бросало в холод при одной мысли, что Агнис не вернётся. Он ругал себя за то, что не давал волю чувствам и скрывал их.

Жить рядом с Агнис было для него одновременно счастьем и мученьем. Остаться без неё даже на пару дней оказалось невыносимо больно. Боль сопровождалась страхом потерять её навсегда.

К огромному удивлению Дериана, дикая ревность жгла его огнём изнутри. Никогда в жизни он не испытывал это чувство. Но почему-то сейчас снова и снова прокручивал в

голове историю, которую ему рассказала про свою юную любовь Агнис.

Его охватывал ужас, когда он вспоминал картину, как в прошлую поездку во Францию, буквально перед вылетом в аэропорту появился молодой француз, жаждущий остановить Агнис. Дериан заметил её сомнения, но сделал вид, что не видит этого и поспешно увел Агнис к выходу на посадку в самолёт.

Вошла пышногрудая медсестра в неприлично коротком халате. Застав пациента в таком состоянии, она обеспокоилась и велела ему немедленно лечь в постель.

– Все нормально! – успокаивал Дериан медсестру, да и себя.

– На вас лица нет! Что случилось?

Дериан не заметил, как оказался на кровати, придавленный бюстом заботливой медсестры.

– Я спокоен! – грубо оттолкнув от себя медсестру, заявил он и потребовал: – Пригласите врача!

Когда пришёл врач, Дериан убедил его в том, что он хорошо себя чувствует и покинул больницу.

Глава 6

Агнис после разговора с подругой хотела побыть одна. Она купила букет голубых гортензий и поехала на встречу с мамой.

Мама встретила её неподвижным каменным изваянием.
Агнис встала на колени и заплакала.

– Что мне делать? Я люблю его!

В ответ лишь ветер колыхнул свежий букет гортензий, и Агнис уловила их нежный сладковатый аромат. Агнис плакала, её сердце рвалось на части между любовью и страхом предать маму.

Встав с колен, она медленно побрела к ожидавшему её на выходе такси. Агнис открыла дверцу автомобиля и увидела растянувшегося на откинутах сиденье водителя. Он громко храпел, а из колонок звучала песня:

*Любовь и смерть,
Добро и зло,
Что свято, что грешно,
Познать нам суждено.*

Агнис замерла.

Водитель, разбуженный щелчком двери, встрепенулся, поднял сиденье и потянулся рукой, чтобы выключить музыку.

– Пожалуйста! Не выключайте, – попросила Агнис.

*Любовь и смерть,
Добро и зло,
А выбрать нам дано одно¹.*

¹ Исп. Цыганова Вика «Любовь и смерть»

– Вы понимаете, о чём песня? – поинтересовался водитель.

– Да, моя мама была русская, я знаю её язык, – по-русски ответила Агнис.

Общение с водителем такси на мамином языке принесло Агнис успокоение.

– Кто это пел?

– Вика Цыганова.

– Вика, Виктория – победа. А цыгане у меня ассоциируются с обманом, – размышляла вслух Агнис.

– Что?

– Победа над обманом! – воскликнула Агнис.

– Каким обманом? – резко затормозив, спросил таксист.

– Не обращайтесь внимания! Это я послание разгадываю.

– Какое послание?

– Мамино.

Таксист молча вытаращил на неё глаза.

Глава 7

Катер причалил к берегу. И на белый горячий песок острова Святого Маврикия ступили две пары босых ног. Взявшись за руки, Риа и Агнис шли вдоль берега. Их пальцы переплелись, казалось, навечно. Они о чём-то говорили, заглядывая друг другу в глаза. Капитан, покуривая трубку, про-

вожал их взглядом.

– Эта пара любит друг друга, – сказал он вслух. – Я многих влюблённых повидал. У этих двоих счастливое будущее.

Волны барашками подкатывали к ступням влюблённых и обвивались кольцами вокруг их щиколоток, словно венчали их союз.

Агнис игриво побежала навстречу поднимающейся волне, маня за собой Риа.

– Ну же! Догоняй меня!

Дериан стоял очарованный и восхищался каждым движением Агнис. Её изящная фигурка в белом платье удаляясь, становилась крошечной. Дериан мысленно поставил её на ладонь и положил в своё сердце.

Золотистые волосы слились с солнцем. Теперь она казалась русалкой, плывущей по поверхности воды. Внезапная волна с жадностью поглотила её.

Дериан бросился к любимой. Подхватил её на руки и понёс к берегу, как самый дорогой изумруд из тех, которыми он обладал как владелец шахты по добыче изумрудов.

Платье Агнис промокло. Розовые соски просвечивались через мокрую тонкую ткань, возбуждая Риа. Агнис обвила его шею холодными руками и целовала алыми губами.

Он положил её на горячий песок и обжигал страстными поцелуями. Тело Агнис извивалось от страсти, с губ слетали стоны. Дериан целовал её солёные волосы. А когда коснулся языком упругой груди, почувствовал, что это самое сладкое

наслаждение, приправленное горьковатым вкусом морской соли.

Эпилог

– Люди думают, что рецепта любви не существует. Они ошибаются, – глядя сквозь линию горизонта, размеренно произнёс Дериан.

Он пронзительно вглядывался в голубую даль, словно читал только ему видимый текст.

– Мне девяносто три года. Сорок из них я люблю тебя, – он перевёл свой взгляд на Агнис. Лицо мгновенно преобразилось и засветилось любовью. Он смотрел на Агнис влюблёнными глазами так, как будто видел её впервые.

Агнис, заложив руки за голову и прикрыв лицо широкополой шляпой, лежала, вытянувшись, на шезлонге и наблюдала за мужем.

– Ещё люди думают, что разница в возрасте может быть помехой для счастья, – поддержала Агнис, сдвинула на макушку шляпу и приподнялась на локти, чтобы посмотреть на Риан.

Он протянул к ней руку и длинными тонкими пальцами провел по золотистым с серебристым блеском волосам, скользнул по щеке и коснулся губ. Агнис приоткрыла губы и лизнула кончиком языка ладонь, которая ласково исследовала её черты, словно за пару часов, пока Дериан к ней не

прикасался, что-то могло измениться.

– Часто семейные пары избегают прикосновений или сводят их к минимуму. Как много они теряют! Прикосновения возбуждают, – со знанием дела произнес Дериан.

Молодой бармен внимательно наблюдал за необычной пожилой парой, приехавшей отметить день святого Валентина в их отель. Он поставил перед собой два бокала и создавал шедевр. На дно бокалов упали несколько листочков зеленого майорана.

Агнис интуитивно отвечала на ласки Рио. По её телу побежали приятные мурашки. Томным голосом она сказала:

– Не понимаю, как может угаснуть чувствительность между влюблёнными?

– Так бывает. Потому что многие игнорируют изучение эрогенных зон партнёра, – ответил Рио.

Прислушиваясь к разговору влюбленной пары, бармен добавил шафран.

Дериан опустился перед Агнис на колени и нюхал её волосы, лицо, шею, грудь, живот...

– Мужчины и женщины часто маскируют свой неповторимый аромат парфюмом или маслами, чем лишают своего партнёра возможности идентифицировать друг друга по запаху.

В одном бокале появилась ваниль, в другом мускатный орех.

– И уж совсем варварство, когда мужчина спешит и начи-

нает действовать насухую, – опустив пальцы ниже пупка, заглядывая в глаза Агнис, прошептал Риа.

В бокал с мускатным орехом зажурчала струйка колумбийского рома и посыпались кусочки льда.

К ванили присоединилось французское шампанское и вскружило соседей. Оно танцевало лопающимися пузырьками и поднималось на поверхность, демонстрируя страсть.

«Эта дама такая сладкая», – подумал бармен и добавил спелую сочную клубнику на край бокала.

Он незаметно поставил свои шедевральные напитки на столике рядом с шезлонгами и исчез.

Насладившись близостью друг друга, влюблённая пара обнаружила сюрприз. Потягивая коктейли через соломинку, они разгадывали пряности-афродизиаки и дали название двум чудным напиткам: «Неиссякаемая страсть» и «Вечная любовь».

– Общество навязывает мнение, что у любви и страсти есть ограничения по возрасту. Это не так! Все ограничения здесь, – для демонстрации Дериан приложил палец к своей седой голове.

– Вкус любви приходит со временем. Ей необходимо вызреть, как виноградной лозе. От цветка до выдержанного коньяка проходят годы. Виноделам приходится набраться терпения и хорошо потрудиться.

– Иногда нужна фантазия и способность услышать голос сердца, чтобы распознать, куда оно ведёт.

– У человека на пути всегда есть знаки, знаки с небес.

ЗУБОК '20

Марципановая война

Автор: Анастасия Ворончихина @fairy_petelka

Иллюстратор: Елена Калошина _alena_art_

ГЛАВА 1. ДВА ОДИНОКИХ СОЛДАТА

Стэн сидел в кресле перед включённым монитором компьютера. Мелькающий курсор призывно намекал, что пора сосредоточиться и написать хоть строчку. Издатель торопил, а мысли в голове путались. И всё из-за восемнадцатилетней Элис. У Стэна было миллион женщин разного возраста, ума и фактуры, но ни одна из них не позволила себе так дерзко с ним обойтись. Элис ушла от Стэна, оставив невнятное сообщение в социальной сети. Променяла его, опытного, обожжённого жизнью сорокалетнего «пирата» на прыщавого ровесника. Стэна, такого холёного, бросила неискушённая малолетка. Мужчину мучило его состояние. Ревность. Разбитое сердце. Стресс. Стопка за стопкой исчезали в нём с молниеносной скоростью.

* * *

Мишель было тридцать восемь. К этому возрасту она рас-

кромсала собственную жизнь так, что не оставила от прошлого камня на камне. Она была обнажена. Не телесно. Морально. Отношения с миром не клеились. Не было ни детей, ни более-менее стоящего мужчины рядом. Она повисла где-то между правдой и ложью. Осуждения не принимала, но и на худой мир с окружением не шла. Не признавалась сама себе, но ей было одиноко. Мишель до сих пор не хотела понимать, что живёт одними книжными истинами и собственными амбициями. Считает себя умнее всех на свете, а по сути её «мудрость» – это пшик, мыльный пузырь. Она всё еще норовила побольнее ужалить, словно ей шестнадцать. Пыталась искать свободу, как будто ей двадцать три. Доказывала с пеной у рта свою правоту, забывая, что ей скоро сорок. И всё это выплескивала на странице в Инстаграм, называясь модным словом «блогер».

ГЛАВА 2. КАК НАЧИНАЛАСЬ ВОЙНА

Сообщение от издателя яркой вспышкой всполохнуло перед глазами, и Стэн будто очнулся ото сна: «Срочно зайди на этот аккаунт. Там тебя разносят в пух и прах». Пока открывалась ссылка на неизвестную страницу, в голове столпились идеи, которые выдвигали гипотезы и кричали на все голоса: «Это издатель, наконец-то, проплатил рекламу твоей новой книги и хочет поднять рейтинг на ажиотаже», «Нет, журналистам попали провокационные фото твоей приватной жиз-

ни с Элис», «Причем тут эта пигалица? Твою книгу, наконец, обсуждают на ток-шоу».

Мысли замолчали, когда загрузилась незнакомая страница. Всего лишь Инстаграм.

Некая @МИСС_МИШЕЛЬ сообщала: «Стэн Грин подложил женщинам марципановую бомбу».

«Так. Спокойно. Его имя. И, похоже, разбор его книги «Марципановая война». Что же эта мисс пишет?»

Чёрные буквы мелькали перед глазами кричащими фразами: «...неслыханное неуважение к женщинам...», «...опошил любовь...», «...возомнил себя марципановым принцем...», «...такому писаке нельзя верить...».

Обрывки фраз, клочки несвязных высказываний, тирада пустых сентенций – болтология, одним словом. Но сколько комментариев в поддержку! Сколько ненависти! Почему? Кто все эти люди, оставляющие отзывы? Они вообще читали книгу – роман о бывшем военном, который борется за своё дело, сталкиваясь с жестким миром бизнеса и элиты? При чем здесь феминизм, женоненавистничество, эмансипация? Да и любовь в романе – всего лишь второстепенная линия. Откуда взялись эти темы?

Стэн негодовал. Он всегда знал, что есть блогеры, которые создают себе имя на уничтожении заслуг других. Бесталанные, закомплексованные выскочки, стремящиеся самовыражаться за счет клеймения более успешных. Им нужны сиюминутный успех и получение преференций и выгод. Всё это

известно. Но сейчас, столкнувшись с таким напором показного хамства и гнусности, Стэн оторопел и растерялся.

Пролистав страницу незнакомки, мужчина тщетно пытался понять, кто она и как выглядит. Главным лозунгом на её странице значилось: «Правда. Свобода. Красота». Немного. Дальше – стандартно: фотографии женщин с идеальными прическами разного цвета кожи и возраста вперемешку с картинками красивых букетов, ароматных булок и дорогого парфюма. И всё снабжены текстом «на грани» – дозволенного, уместного, честного. Внутри у Стэна что-то клокотало. Он не мог понять, что с ним: заинтригован ли он этой дамой или взбешён её таинственностью и грубостью. Наконец, Стэн оставил ей короткое сообщение: «Уважаемая мисс Мишель, где вам угодно встретиться: в суде по делу о чести и достоинстве или в кафе за чашкой кофе? Стэн Грин»

Через пару минут ему ответили: «Кафе «Мефистофель», 14.00». Стэн взглянул на часы. Без четверти час.

* * *

Стэн сидел в кафе спиной ко входу. Специально выбрал такой столик, чтобы не отвлекаться на входящих. Ему не удалось узнать, как выглядит эта заносчивая мисс Мишель, так зачем суетиться, выискивая её среди посетителей. Лучше насладиться двойным эспрессо и хрустящей брускеттой. Стэн посмотрел в окно. Лучи солнца играли в витрине ма-

газина элитного женского белья напротив. «Надо бы что-нибудь прикупить для Элис», – мелькнуло в голове. Потом озарение – у него же с ней всё кончено. Стэн вздохнул, посмотрел на часы, и вдруг неожиданно на его голову полилось что-то липкое и приторно-сладкое.

– Что за дьявол? – Стэн вскочил с места, на лету хватая со столика стопку бумажных салфеток. С идеальной стрижки мужчины на одежду и пол падали куски мягкого ароматного бисквита, покрытого жидким кремом из марципана.

– Это вам за ваш никчёмный роман, – выпалила темноволосяя стройная женщина в обтягивающих джинсах и лёгкой шифоновой блузе насыщенного изумрудного цвета. В глазах – страсть, перемешанная со злостью, на шее – цепочка, на которой висела настоящая пуля. – Я Мишель. И я вас уни-чтожу.

Женщина вплотную приблизилась к мужчине. Стэн хоть и выглядел жалко со слипшимися волосами и остатками выпечки на пиджаке, не отступил.

– Марципановой войны захотелось, мэм? – с твёрдостью в голосе произнёс он. Желваки на его скулах задвигались.

ГЛАВА 3. МАРЦИПАН НА МАРЦИПАН

Стэн подошёл к Мишель так близко, как это только возможно. От женщины исходил тонкий, волнующий аромат ванили. Её иссиня-чёрные глаза смотрели не моргая. Казалось,

каждая пора её тела дышит ненавистью, враждой и злобой.

Стэн не дал опомниться своей визави. Он дёрнулся в сторону. Быстрым шагом направился к витрине со сладостями, ткнул на пирог с марципановым кремом, и как только получил его от бармена, схватил и одним махом опрокинул содержимое на голову хамки из Инстаграма. Защищая лицо, Мишель взвизгнула. Она инстинктивно запустила в волосы ладонь, брезгливо посмотрела на крем, который неприятной жижей стекал по коже, хотела залепить грязной рукой пощечину, но та застыла в воздухе. Мишель попятилась назад, нащупала спиной стул и обмякла. Она заревела.

Стэн растерялся. Только что перед ним стояла злобная фурия, которая жаждала крови. Разъярённая особа без тормозов, грубиянка, способная растереть в порошок. А теперь это была обычная дамочка с банальными женскими слабостями. Неужели её может сломать обычный пирог на голове? Женщину стало даже жалко. Захотелось прижать покрепче, сказать, что она не одна. «Она чокнутая, но чертовски манкая», – поймал себя на мысли Стэн. – Скорее всего, одинокая. Такие бегут от любви. Борются с ней. Их трудно полюбить. Но как раз такие люди больше всего нуждаются в этой самой любви». Мишель продолжала хлюпать носом. Писатель протянул ей салфетку.

– Да пошёл ты! – Мишель грубо оттолкнула его руку.

Стэн опешил. «Ершистая. Продолжает играть роль хабалки и недотроги, хотя злобная маска уже соскользнула. Да,

стерва недоделанная», – подумал он, улыбаясь.

Стэн не стал настаивать. Лишь сел напротив и принялся тихо наблюдать. Что она предпримет сейчас? Сначала Мишель не обращала на него внимания – полностью отдалась своим слезам. А потом, немного успокоившись, подняла красные опухшие глаза и заявила:

– Ненавижу тебя, Стэн Грин. И в суд на тебя подам.

Мишель продолжала злиться. Стэн был обескуражен

– Почему? За что? Мы разве знакомы с вами? – удивительно спокойно спросил он.

– Меня ты не знаешь. А вот с моей сестрой Жаклин знаком отлично. Даже умудрился опорочить её в своей «Марципановой войне».

– Что за Жаклин? – Стэн не понимал, о чём идет речь. В голове стали мелькать портреты девушек, с которыми его сводила судьба – шапочно или подольше, на ночь или на месяц-другой, блондинки, брюнетки, рыжие. Никакой Жаклин память шансов не давала. Не было такой девушки в его жизни.

А Мишель, тем временем, стала пересказывать Грину его собственный роман, акцентируя внимание на второстепенной героине Аде. По словам Мишель, Ада является прототипом её сестры Жаклин. И то, как Стэн её изобразил – по её мнению, коряво, однобоко и даже пошло, – Мишель очень не понравилось. Она говорила ещё долго. Стэн не верил своим ушам.

– Ты сейчас серьёзно? – вставил он реплику, едва Мишель остановилась. – Причём тут какая-то Жаклин? Я писатель, и это один из образов, выдумка, – доказывал он. – Хотя, пожалуй, вполне успешная и правдоподобная, раз ты так поверила во всё, что прочитала. Ты понимаешь, что мне достаточно представить героя, выстроить в голове его характер, придумать внешность, наградить поступками, – и вот он уже живёт. Только не в реальности, а на страницах рассказа, романа. Да мало ли чего ещё. А ты просто фантазёрка, живущая иллюзиями. Или тебе просто скучно, и ты ищешь, за что бы такое зацепиться, чтобы криком, критикой, неадекватными действиями, навроде этого с куском пирога, растормошить свою пресную жизнь, уничтожая репутацию других. Я прав? Ведь так, нахрапом, ты ведёшь себя в Инстаграме, поликлинике, кинотеатре? Где там ещё?

Стэн напирал, а Мишель молчала, опустив голову. Ещё никогда она не чувствовала себя полной дурой. Её уже давно так никто не отчитывал. Как наивную девочку. Как нашкодившего котёнка. Её чихвостил красивый умный мужчина и, похоже, был совершенно прав. В один миг Мишель прозрела. Ей хотелось провалиться сквозь землю, исчезнуть. Она украдкой всматривалась в лицо Стэна. Увидела три шрама у виска, лёгкую редкую седину, проскальзывающую в прядях светлых волос. Она вслушивалась в тембр голоса, обратила внимание на то, как пульсировали вены на шее. Мишель не отводила смущённых глаз от симпатичного писателя. Как

только Стэн сделал паузу, она встала с намерением уйти.

– Прости. Я всё поняла. Я напишу опровержение, – не поднимая глаз, тихо произнесла она.

– Стой! – Стэна привели в замешательство неожиданные действия Мишель. Он заёрзал на стуле, затем вскочил. Потом снова сел на место. Стэн слишком заметно нервничал, пытаясь быстро найти повод, чтобы остановить Мишель. Что-то интригующее, им ещё неизведанное было в этой женщине. – Как ты пойдешь в таком виде?

Стэн сказал первое, что пришло ему в голову, и указал на слипшиеся, уже засохшие волосы молодой женщины и грязную блузку.

– Ничего. Разберусь.

– Позволь мне разобраться, – ответил Стэн. – Но сначала сделаем кое-что, – Стэн понемногу обретал привычное хладнокровие.

– Что?

– Купим по куску пирога с марципаном, – от души рассмеялся Стэн и подмигнул новой знакомой.

ГЛАВА 4. МАРЦИПАНОВОЕ СРАЖЕНИЕ

Мишель стояла поодаль. Она наблюдала за тем, как Стэн водил по витрине указательным пальцем, объясняя бармену, какие сладости ему нужны. Кулинарные щипцы аккуратно сложили в картонную коробку два шоколадных маффина,

четыре сливочных эклера, два хрустящих штруделя и такое же количество того самого злосчастного пирога с тягучим кремом из марципана. Мишель слегка поморщилась. Ароматы были превосходны, но чересчур сильны. От обилия сладкого Мишель почувствовала лёгкое головокружение и тошноту. Она вышла из кафе, вдохнула свежий воздух, ей заметно полегчало.

Едва Мишель опомнилась, сильная рука Стэна подхватила её за локоть. Она услышала:

– Поедем на моей.

– Куда? – безропотно спросила Мишель.

– Туда, где идут беспощадные марципановые сражения.

Узкие проулки и улочки не позволяли им ехать быстро. Они молчали. Мишель задумчиво смотрела в окно, Стэн иногда поглядывал на неё. Вдруг женщина достала телефон, поискала в нём что-то, а потом показала Стэну.

– Тебе она точно незнакома?

Стэн мельком взглянул на светящийся экран. С него смотрела симпатичная девушка с короткой стрижкой.

– Это Жаклин, моя сестра.

– Первый раз вижу, – произнёс он.

– Хорошо, – Мишель облегчённо вздохнула.

Едва они перешагнули порог мужской берлоги, Стэн исчез в дверях ванной. За время его отсутствия Мишель рассматривала жилище. Полки с книгами, блокноты и тетради занимали значительное место небольшой комнаты, совме-

щённой с кухней. То тут, то там были расклеены разноцветные стикеры с написанными от руки небольшими фразами и отдельными словами, нарисованными карандашными набросками, номерами телефонов и электронными адресами. На одной из полок стояли рамки с семейными фотографиями из прошлого. Ничего особенного, но и ничего отталкивающего.

– Примешь душ? – произнёс Стэн. Он уже переоделся в свежую футболку и джинсы. От влажных волос исходил приятный древесно-табачный аромат парфюма.

– Это неудобно, – Мишель вздрогнула от неожиданного вопроса.

– Обещаю, что твоей чести ничего не угрожает.

Мишель с благодарностью посмотрела на Стэна. Пока её не было, мужчина заварил кофе, разложил пирожные, фоном включил приятную музыку. Мишель вернулась скоро. Вместо блузки, которая примерно часом ранее подверглась марципановому обстрелу, она накинула на себя рубашку Стэна, в благородном порыве заблаговременно оставленную для неё хозяином в ванной комнате. Потом присела на барный стул на кухне, отхлебнула кофе. Мишель пристально смотрела на Стэна, сидящего напротив.

– Почему ты не ешь пирожные? – спросил он, не отрывая глаз от привлекательной женщины.

– Равнодушна к сладкому, – Мишель очень мило улыбнулась. Ямочки на её щеках, казалось, заигрывали со Стэном.

Мужчина встал, взял одно пирожное и предложил его Мишель. Она, не колеблясь, откусила небольшой кусочек, слегка облизав крошки с губ. Стэн смотрел в её глаза глубокого чёрного цвета, и его затягивало в омут нежности и тепла, которые они излучали. Стэн приблизился к лицу Мишель. Их губы почти соприкасались. Мишель ощутила жаркое дыхание, почувствовала, как руки Стэна осторожно дотронулись до её тела и прижали к себе, сокращая расстояние до губ. Сладкий вкус остатков ванильно-сливочного крема пьянил не хуже самбуки. Слияние в поцелуе оказалось очень естественным, безгранично нежным, страстным, полным чувственности. Стэн запустил пальцы в копну тёмных волос Мишель, притянул её к себе ещё сильнее. С женских губ сорвался тихий стон, который окончательно свёл мужчину с ума. Искры невидимых любовных стрел, звуки неслышимых амурных бомбардировок начали сотрясать воздух. Всё вокруг накалялось.

Скользнув губами по тонкой шее, ощутив жар и истому, исходящие от женского тела, мужчина загорелся в ответ. Желание нарастало. Мишель сдалась, подняв белый флаг. Она уступила, с упоенным удовлетворением шепча что-то неразборчивое. Её тело с наслаждением приняло его настоячивые прикосновения. Она задрожала от волнения и удовольствия. Она почувствовала его отрывистое дыхание, безумные удары сердца – всё говорило о буре, бушевавшей в нём, которую он едва сдерживал, и весь мир перевернулся с ног на

голову. Подчинившись, Мишель позволила ему играть роль главнокомандующего. Стэн наслаждался её покорностью. Их понесло далеко-далеко. Они воспарили над землёй, и непрерывная канонада чувств зазвучала мощно, торжественно, сильно. Блаженство и сладострастие унесли их в страну, в которой умирают ненависть и злоба и правят только чувства.

* * *

– Зачем тебе пуля? – спросил Стэн, теребя амулет на шее Мишель. Вот уже несколько минут они лежали почти неподвижно на смятых простынях.

– Это мой талисман. От бабушки. Однажды эта пуля спасла его, застряв в мягких тканях и не добравшись до кости. Теперь и меня оберегает, – ответила Мишель.

– Помогает побеждать в марципановых войнах? – Стэн пытался поддеть красавицу.

– Помогает поражать любого марципанового принца в самое сердце, – промолвила Мишель и нежно прижалась к обнажённой груди Стэна.

Штрудель

Автор: Ольга Сиротинина @olgasimurzina

Нам принесли заказ: яблочный штрудель с шариком мороженого. О, это вкуснейшее сочетание горячего с холодным! Смотрю на возлюбленного и вздрагиваю от ощущения льда. Он сидит рядом, такой холодный и отстраненный.

Наши отношения сродни этому десерту. Я – горячий штрудель. От меня только пар не идёт. Внутри бурлит страсть, которую удается сдерживать из последних сил. А он такой же холодный, как мороженое крем-брюле. И кожа его такого же оттенка.

Не обращая внимания на посетителей кафе, я провожу рукой по его ноге от колена вверх. Реакция происходит незамедлительно. Возлюбленный вскакивает, бросает деньги на стол за сладкий десерт, который я так и не успела доесть, и выходит из заведения.

Надеваю на ходу куртку, догоняю его и прошу подвезти меня, поскольку на улице уже темно и холодно. Он соглашается, потому что любит меня. Я точно знаю – любит. Просто где-то очень глубоко внутри.

Мы садимся в его машину и летим по заснеженным улицам старого города. Когда останавливаемся у моего дома, перестаю сражаться с собой и вся отдаюсь страсти. Мои поцелуи требовательные с самого начала. Я не даю возлюбленно-

му возможности подумать или оттолкнуть меня. Женщины могут добиться всего, чего только пожелают. В тот момент я желала больше всего его.

Мое тело прижалось так близко, что даже молекулы воздуха не могли протиснуться. Я чувствовала, как сердце возлюбленного оттаивает, а разум тонет в страсти, накрывшей обоих, как цунами.

Окна машины потеют, скрывая нашу любовь от посторонних глаз. В салоне продолжает играть радио, где звучит песня группы «Ума Турман» «Мороженое». Но единственное, что мы слышим – это обрывистые дыхание и стоны.

По следу Ху Ли Цзин

Автор: Ольга Мыльникова @olgamilnik

Запись с диктофона:

– Нет. Не просите. Я всё рассказал тому толстому. Кто он тут у вас – детектив или следователь?

– Да поймите же, мы по разные стороны баррикады. Я здесь, чтобы защитить вас.

– Защитить? От кого?

– От Рыжей Бести!

– Откуда ты знаешь, что она была рыжей?

– Я знаю её давно. Очень давно. Она меняет лица как маски. Но цвет волос всегда её выдает. Она опасна. Как лихорадка Эбола, как СПИД, как гепатит. От неё невозможно избавиться.

– Но ведь я убил её!

– Нет, ты просто уничтожил одно из её обличий. Расскажи, кем она была на этот раз?

– Мне казалось, это была лиса. Очень хитрая лиса. Я – бывалый охотник. И убил немало лис и волков. Но эту я выслеживал целую неделю. Она не давала мне покоя. И вот однажды я подкрался совсем близко и ранил её. Я шёл по следу.

Лиса, истекая кровью, продолжала бежать. А потом, обессиленная, вдруг остановилась и резко развернулась. Она стояла в ста метрах от меня, среди зарослей жухлой травы. И смотрела мне в глаза. Только лисы смотрят так перед смертью – в глаза, не отворачиваясь. Этот взгляд проникал глубоко в сердце. Но я знал, что должен нажать на курок.

– А потом, что было потом?

– Я подошёл, чтобы содрать шкуру со зверя. Но вместо лисы увидел тело девушки. Такое юное, такое хрупкое. Лицо всё в веснушках. Рыжая, как огонь! Из-под съехавших очков на меня смотрел стеклянный ярко-зелёный раскосый глаз. Из маленького отверстия на переносице струйкой стекала кровь. Но ведь я стрелял в лису!

Портрет подозреваемого на основании показаний свидетелей:

Высокий крепкий мужчина, лет 35–37. Глаза синие. Коротко стриженная борода, усы с проседью. Особая примета – шрам в виде трёх глубоких царапин от левого виска к щеке. Был одет в охотничий костюм цвета хаки. Вооружён карабином марки «Вепрь». Жил одиноко на окраине посёлка. Занимался выделкой шкур и охотой. Откуда родом – неизвестно. Ближе ни с кем не общался. Примерно раз в неделю появлялся в баре «У Михалыча».

10 октября. Запись с диктофона:

Вчера говорил с Борисом. Он на грани безумия. Уверяет, что призрак той девушки с зелёными глазами приходил к нему в камеру. Лицо кажется ему знакомым, но Борис никак не может вспомнить, где и когда видел его. Странно, после видения он отметил стойкий запах марципана в камере. Что бы это значило?

Общался со следователем. Опергруппа прочесала весь лес, но тело девушки, как, впрочем, и труп лисы, так и не обнаружили. На месте, которое указал Борис, нашли пустую гильзу 223 калибра. Выстрел был из его карабина. Борис не лжёт. Это была она.

11 октября. Запись с диктофона:

– Борис, ты говоришь, что вспомнил ту девушку?

– Я пытался прогнать её образ из памяти. Слишком много боли вызывал он в моём сердце. Я уехал с Алтая сюда на юг и поселился вдали от людей. Я думал, что забыл её.

Мне было лет пятнадцать, когда дочка егеря пришла к нам в класс. Такая худенькая, бледная, вся в веснушках. Мне тогда показалось, что солнечные лучи запутались в её волосах – такие ярко-рыжие эти локоны. И голос тонюсенький, как

у маленького котёнка. Я сразу понял, что она особенная, не похожая ни на одну другую девчонку из тех, что я знал. Она всегда была с какими-то книжками и восхитительно пахла марципаном. Мне казалось, что Леся и сама была вся такая сладкая. Не чета мне.

После школы я заходил к родителям в цирк. Мой отец дрессировал медведей, а мать занималась с кошками и лисицами. Я часто помогал им убирать за животными. И моя одежда вся пропитывалась ароматами циркового закулисья. До встречи с Лесей я не переживал об этом. Главное, что животные узнавали меня и спокойно пускали в клетки. А в школе одноклассники сторонились и отпускали на мой счёт разные сальные шуточки. Но Леся в самый первый день в нашем классе сама села на пустое место за моей партой и ни разу не поморщилась. Зато мой нос получил величайшее наслаждение вдыхать сладость её ванильного блеска для губ и марципановых конфет. Её мама считала, что марципан помогает лучше учиться. Потом Лесю пересадили на первую парту. С её близорукостью и миниатюрным ростом сидеть с таким увальнем как я на галерке не полагалось.

Каково было моё удивление, когда однажды Леся пришла в цирк. Там, откуда приехала её семья, Леся училась в цирковой школе. Она – воздушная гимнастка. Конечно, директор сразу взял её в труппу. О, как она летала под куполом! Я следил за её винтами и сальто, а моё сердце готово было выпрыгнуть из груди от распирающей тревоги. Я привык ви-

деть акробатов, но ни за кого из них я так сильно не переживал. Я чувствовал каждое движение Леси: как трос впивается в её ладони, как лямки оплетают её запястья и лодыжки. Я хотел быть одной из этих лямок, чтобы нежно прикасаться к ней и оберегать её.

Однажды Леся принесла лисёнка. Кто-то из охотников убил самку и ранил детёныша. Отец Леси подлечил лисичку, но хромота осталась. В цирке, ей было лучше. Леся давала лисёнку марципановые конфеты. И рыжая плутовка готова была на всё ради любимого лакомства. Я стал дрессировать Рыжуху, а Леся регулярно поставляла для маленькой артистки марципан. Мы стали ещё больше времени проводить вместе. Говорила в основном Леся. Она знала так много историй о животных, пересказывала сюжеты прочитанных книг. А я тупо скалился, кивал и сметал рукой остатки сена, чтобы она могла присесть. Мне хотелось вечно слушать её голос.

Лисёнок так привязался ко мне, что когда мы были в цирке, Рыжуху не запирали в клетку, и она всюду следовала за мной. Скоро я стал замечать, что Рыжуха как-то странно ведёт себя, когда Леся рядом. Всё время пытается влезть между нами, трётся о мою руку, как только я пытаюсь протянуть её Лесе. Но мне это казалось забавным. А Леся пошутила что-то насчёт лисьей ревности.

Мы часто делали уроки прямо в цирке. А в тот день так увлеклись, обсуждая что-то из школьных предметов, что забыли выпустить лисёнка. После уроков мы пили молоко.

Я протянул руку, чтобы вытереть Лесе смешные молочные усы. И в этот момент она вся вдруг напряглась как пружинка, потом резко притянула меня к себе и поцеловала. На какое-то время я полностью потерял ориентацию во времени и пространстве. Вкус молока и ванильного блеска на её губах – я готов был съесть её. Но рёв из клеток напомнил, что пришла пора кормить зверей. Когда Лесья протянула руку, чтобы открыть клетку Рыжухи, лисица укусила её. Я впервые ударил зверя. А Лесья вместо благодарности рассердилась на меня и убежала домой. Весь оставшийся день я ходил сам не свой, а Рыжуха не получила ни одной марципановой конфеты.

Утром в школе мы всё же помирились. Правда, Рыжуху решили пока подержать под домашним арестом. Насчёт ранки мы не переживали, ведь лисицу регулярно осматривал ветврач, и у неё были все прививки. Лесья просто обработала укус зелёнкой и забыла про него.

Через несколько дней Рыжуха каким-то образом перекусила решётку и убежала. А Лесья заболела. Всё началось как обычное ОРВИ. Но когда Лесья стала метаться по комнате и кричать, чтобы убрали воду, отец срочно отвез её в больницу. Но было поздно. Вирус уже добрался до мозга. Лесья умерла.

Я убил много лисиц, но там, в лесу, мне показалось, что это была та самая. Рыжуха! Она слегка прихрамывала. Но почему зверь обернулся Лесей?

– О, Рыжая Бестия может принимать облик как любого из живущих, так и умерших людей. Ей нужна твоя любовь. Она пьёт её, как вампиры пьют кровь, выжимая тебя до последней капельки. Возможно, она вселилась в дочь трактирщика и теперь рыщет в поисках новых жертв. Думаю, пока девушку не нашли, тебе не стоит оставаться одному. Попрошу перевести тебя в общую камеру. Помни, её уязвимое место – это хвост.

13 октября. Запись с диктофона:

Похоже, Рыжая Бестия сделала своё дело. Я опять не успел.

Из показаний соседа по КПЗ:

Я проснулся от того, что Борис начал стонать во сне. Сначала довольно тихо, но потом вообще запыхтел как паровоз. Ну, думаю, мужик совсем рехнулся. Давно, видать, бабы у него не было. Потом он вдруг заорал. Мы с Димоном подскочили. Смотрим, он сидит, голову руками обхватил, ногтями прямо в лицо впился и ревёт как зверь. Глаза дикие, безумные. В общем, спятил он. С самого начала, когда начал эту чушь нести про убитую не то девушку, не то лису. В дурку его надо.

17 октября. Запись с диктофона:

Вчера стало известно ещё об одном помешанном. Тоже завсегдатай забегаловки «У Михалыча». Жена говорит, пропал из дому дня три назад. И вот приполз с какими-то шальными глазами. Всё время твердит о какой-то рыжеволосой девушке с лисьим хвостом и неземной любви. Отказывается есть, срывается на плач.

Хвост один, значит, это ещё совсем молодой оборотень. И пока может принимать только женский облик. Думаю, надо устроить дежурство в баре «У Михалыча».

1 ноября. Запись с диктофона:

Нет, она совсем не рыжая. Её волосы скорее пшеничные. А глаза! Невероятные! Как два осколка зелёного бутылочного стекла, если смотреть через них на солнце. И этот восхитительный марципановый кофе, что она готовит. Я никогда не пробовал ничего вкуснее. К тому же я проверил – ни единого намёка на хвост. Просто упругие бёдра следящей за фигурой девушки.

Из показаний постояльцев трактира «У Михалыча»:

Этот странный охотник за оборотнями буквально выполз из номера Марго. Куда подевалась его осторожность? Похоже, парень крепко влип. Сначала таскался к нам каждый вечер, рассказывал какие-то байки о лисах-оборотнях, плёл что-то насчёт дочки Михалыча. Говорил, лиса могла взять её тело. Вот только Марго нашла к нему особый подход. Похоже, детка отравила его своим сладким марципаном. Они уехали куда-то вместе. И больше ни этот чокнутый, ни Марго не появлялись в трактире. А дочь трактирщика нашли в домике егеря. Она не помнит, где была и что с нею было. Михалыч определил её в больничку.

Из протокола:

Дело о похищении Виктории Михайловны Егоровой закрыто по причине обнаружения разыскиваемой.

*В китайской, японской и корейской мифологии есть девятихвостая лисица-оборотень – Кицунэ или Ху Ли Цзин. Она черпает свои силы в интимной близости с человеком, влюбляя его в себя до безумия. Забрав энергию, лисица переходит на новый магический уровень, а человек погибает.

Но если мужчина придётся ей по сердцу, она может прожить с ним рядом обычную человеческую жизнь. На этих фрагментах красивого мифа о Ху Ли Цзин, которая через пятьсот лет из злобного оборотня превращается в богиню-покровительницу семьи, я построила своё повествование.

Страсть и апельсины

Автор: Ольга Мыльникова @olgamilnik

Страсть как люблю апельсины! Правда, только сладкие. Прямо вот только начинается сезон, бегу покупаю килограмма два. А вечером, сидя по-турецки за сериальчиком и поставив перед собой большую чашку с нарезанными фруктами, впиваюсь в сочную мякоть. Сладкий сок бежит по носогубным складкам, брызжет в нос. Я чихаю, смеюсь и продолжаю поглощать один за другим оранжевые колечки. Такой аромат стоит на всю квартиру, что все домочадцы непременно приходят полюбоваться на одуревшую мамочку.

– Ну чего ты так набрасываешься на них? – по-доброму удивляется муж. – Как будто цингой боишься заболеть?

Эх, разве понять ему, городскому жителю, каким дефицитом в девяностые были апельсины в провинции? Мы ели их только на Новый год. И какое чудо, если один фрукт доживал до сочельника. Как сейчас помню...

Мне тогда было пятнадцать. И я страдала из-за своей внешности. Девчонки из класса давно уже с парнями под Селин Дион медляки танцевали и, казалось, рисовались передо мной – тощей недомеркой. Я все ещё выглядела угловатым подростком без красивого рельефа и длинных ресниц. От драмы всей жизни спасало только то, что подруга моя Варька была тоже невысокая, при этом рыжая, конопатая и до-

вольно упитанная. Рельеф – одна сплошная гора. Но Варька всё списывала на пубертант. Говорила, что как только гормональные процессы отгремят в её желеобразной конструкции, она придёт в норму и станет первой красавицей. Это отчим-психолог вбил ей в голову. Потому Варька на все проблемы смотрела с гордо поднятой головой и мой острый подбородок то и дело задирала кверху.

В общем, влюбилась я в одноклассника Славку Жукова. Сама не помню, как и когда это произошло. Но вдруг его нестриженная шевелюра превратилась в моём воображении в длинную чёлку Ди Каприо, каркающий голос – в нежный тембр Губина, а сгорбленная тощая фигурка в складный торс Серёги Аморолова из «Отпетых». Склеивая плёнку с синглом Селин Дион, я представляла, как стоим мы с Жуковым на носу лайнера, взявшись за руки. Наши сердца стучат в унисон. Щёки пылают. Ветер дует в лицо. Где-то рядом хрустит злополучный айсберг, а Жуков кричит в бескрайнюю пропасть океана: «Люблю тебя, Тоня!»

А ночами мне снилась та самая сцена из «Титаника» со скользящей по стеклу рукой. Стоит ли говорить, кем был художник? И просыпалась я, тяжело дыша, с мокрыми прядями на висках, бешеным пульсом и ноющей болью в животе. В классе потом сидела как на иголках, всё ждала, что вот-вот он одарит меня взглядом серых глаз. Он, конечно, одаривал. Особенно на контрольных, когда просил написать. И я чувствовала себя самой счастливой, будто он не линейкой мне

в спину тыкал, а протягивал руку с обручальным кольцом.

Варька быстро раскусила мою затянувшуюся томность и рассеянность.

– Надо действовать! – решила подруга, притащившись ко мне домой в сочельник. – Сейчас будем привораживать твоего Славку! А то он сам никогда не поймёт, какой шанс упускает!

– Может, не надо? – взроптал во мне суеверный страх. Но нутро всё сжалось от предвкушения. Вдруг сработает?

– Что ты любишь есть больше всего на свете?

Я задумалась. Надо было представить самые яркие вкусовые ощущения, связанные с едой. И я вспомнила, как однажды к нам приехала родственница. Она недавно вернулась из Португалии и привезла попробовать тамошние апельсины. Ух, и вкусными же они были. Пропитанный португальским солнцем апельсин сам, казалось, излучал тёплый сочный свет, который наполнял тебя оранжевой радостью с каждой долькой.

– Апельсины! – выпалила я. – Больше всего я люблю апельсины!

– Хм, – Варька задумалась. – А у тебя они есть?

– Откуда? Я ещё на Новый год последний съела.

– Сиди. У меня, кажется, ещё в кульке с маминой работы один остался. Ща сгоняю.

Варька жила через пять домов, поэтому вернулась довольно быстро, прихватив заодно толстую книгу по чёрной и бе-

лой магии. Её отчим говорил, что все эти заклинания и суеверия лучше помогают понять психологию деревенского жителя. К бабкам-гадалкам каждый второй в посёлке наведывался, а вот его, как высококлассного специалиста по человеческой душе всерьёз не воспринимали. Потому и работал Варькин отчим в колхозе сторожем. Там в сторожке и осваивал премудрости ведьмачества.

– Блин, а гвоздика-то у тебя есть? – хлопнула себя по лбу Варька. – Ну, та, что в огурцы солёные кладут?

Приправу мы нашли в маминых жестянках из-под монпансье, потом заперлись в комнате и зажгли свечку. У нас часто электричество отключали, и свечи в каждом доме всегда имелись про запас. В отличие от апельсинов.

– Сейчас тебе надо сосредоточиться и представить себе Славку.

– Можно музыку включу? Мне так лучше представляется. Ну, эту из Титаника.

– Давай!

С первых аккордов «Every night in my dreams» воображение выдало мне образ Славки во всей его аморалово-губино-дикаприевской красе. Я представила, как лежу вся такая, позирую, в одном только алмазе, а Славка-Джек пишет мой портрет.

– Теперь бери семь гвоздик, втыкай их в апельсин и называй имя суженого, – вернула меня в реальность Варька. – А зафига семь? Наверное, число какое-то магическое.

С трудом, ковыряя упругую кожицу фрукта, я вонзила в него гвоздичные шипы. Комната наполнилась цитрусовым ароматом.

– Теперь втыкай ещё семь и называй имена духов.

– Бариэль, Мелхидаэль, Анаель, Унель, Барсах, Барехас, Сарнель, – читала я по книге. – Какие жуткие имена. Ты уверена, что мы ничего плохого не наворожим тут?

– Сомневаешься? Вот увидишь, присохнет твой Славка как миленький.

Поворачиваюсь к окну, а там и правда – Славка. Но только не присох, а прилип к стеклу, и на голове у него рога.

– Вот так магия! – тру глаза, Славка исчезает.

– Ещё не всё, – командует Варька. – Теперь давай последние гвоздичины втыкай и называй своё имя.

Завершив ритуал, мы водрузили апельсин на крышку шкафа. Теперь оставалось ждать, когда фрукт высохнет, а с ним и сердце суженого.

Славка вдруг опять в окне нарисовался. Выбегаю на крыльцо, он стоит в костюме чёрта. И с ним ещё ребята ряженые.

– Чего вы там впотьмах сидите? Свет отключили, – говорит. – Пойдёмте с нами колядовать!

В общем, не знаю, заговор ли сработал или мои познания в фольклоре, но после колядовки, из которой мы вынесли богатый улов, Славку как подменили. Стал мне всякие знаки внимания выказывать. То шоколадкой угостит, то двери

передо мной откроет. А в субботу на дискотеке вообще на медляк пригласил. Под Селин Дион!

Мне как-то не по себе стало. С одной стороны – невероятная радость, а с другой – щемящая тоска. Вот он возлюбленный на блюдечке с каёмочкой – бери и на лайнер. Но я как-то вдруг стала замечать, что Славка вовсе не похож на Ди Каприо. И волосы его вечно засаленные. А ржёт вообще как конь. И куда девался этот губинский тембр? В общем, страсть моя угасла. Я поняла, что такая присушенная любовь мне совсем ни к чему. В тот же вечер после медляка я прибежала домой и съела апельсин, пока он ещё не совсем высох. А кассету с Селин Дион на всякий случай Варьке отдала, чтобы опять вдруг не разбудить в себе эту любовную ахинею.

В общем, поняла я тогда, что не стоит переводить апельсины ради любви. Ведь истинные чувства не присушишь.

Но почему-то под сериальчик апельсины всё-таки кажутся слаще. Может, и есть в них какая-то любовная магия?

Соседи

Автор: Ольга Мыльникова @olgamilnik

Иллюстратор: Виктория @nina.mur.art

– Боже, дорогая? Зачем я послушал тебя? Мы ещё только месяц в новой квартире, а я уже схожу с ума! Когда же заткнётся этот чёртов скрипач?

– Не пойму, чего ты так возмущаешься? Хорошо ведь играет. Когда бы мы с тобой столь классики послушали? К тому же, я смотрела, всё в рамках закона. Днём перерыв с часу до трёх, вечером после девяти – отбой.

– Ну, есть же какие-то человеческие нормы приличия?

– Ты вон тоже куришь на лестничной клетке, а кому-то не нравится. Да и меня тошнит.

– Опять начинаешь? Да, курю. Могу себе позволить. Я вкальваю по восемь часов на стройке. Имею право расслабиться. И если я буду курить в квартире, тем же соседям хуже будет. Дым через форточки прямо в комнату попадёт. Ладно, твоё здоровье.

– Думаешь, оттого что ты вылакаешь эту полторашку пива, расслабишься?

– Пока это единственный вариант заснуть! Хотя, нет, пожалуй, пора поговорить с этим чокнутым?

– Антон, не надо! Положи битую!

– Это я так, припугнуть, если понадобится.

– Я с тобой! Мы ведь даже не знаем, кто он и как выглядит. А ты в таком состоянии, что я боюсь за тебя.

– Ладно, пошли.

– Чего это он не открывает?

– Подождём ещё немного.

– А, здравствуйте, молодые люди. Вы, наверное, наши новые соседи? Извините, я сейчас передвигаюсь со скоростью улитки. Ноги совсем отказываются повиноваться усыхающему мозгу. Хе-хе.

– Здравствуйте. Я Анжела, а это Антон.

– А биту вы, молодой человек, зря принесли. Поздно уж что-либо ломать такой старой кляче, как я. Хе-хе. Проходите. Я кстати – Олег Сергеевич.

– Да мы, собственно, хотели сказать...

– Нет уж, вы пройдите, пожалуйста. К нам с Марьей Петровной только врачи в последнее время заглядывают. А так хочется пообщаться с современной молодёжью. Проходите, не стойте. Машенька в дальней комнате. У нас ведь одинаковая планировка. Вон туда, через коридор, зал и в маленькую спальню с лоджией. У нас прохладно. Марьюшке трудно дышать, когда душно.

– Извините, мы не знали. Ваша жена больна. Может, мы всё-таки пойдём?

– Уважьте, стариков. Посидите с нами немного. Я сейчас скрипку положу и позову вас к чаю.

– Кто эти люди, Олеженька? Они такие милые.

– Маша, ангел мой, тебе не стоит разговаривать. Это наши соседи снизу. Боюсь, их Вивальди призвал к нам, хе-хе.

– Олег Сергеевич, давно Вы играете на скрипке?

– Сколько себя помню. Лет с шести, наверное.

– Вы, наверное, жить не можете без своего инструмента?

– Как вы успели заметить, Анжела, ни дня. Присаживайтесь. Чайник готов. Отведайте мой лимонный пирог. Я, конечно, не кондитер, но под чутким руководством Марьи Петровны могу иногда отчебучить.

– Хм, вкусно. Не правда ли, Антон?

– Да. Нам, пожалуй, пора. Анжела, ты ведь мне ещё спецовку не стирала.

– Успеется, ей же не руками стирать. Когда мы с Марьюшкой поженились, у нас не то, что машинки, угла своего не было. Так, съёмная комната в коммуналке. Находили время и бельё постирать, и друг другу внимание уделить, и с соседями пообщаться. Понимаете, к чему я? Сейчас народ сплошь нелюдимый, замкнутый. Сидят все по квартирам, и каждый втихаря перемалывает свои обиды, неудачи, проблемы на службе. Запивают, закуривают, заедают. А ведь человек – он существо социальное. Ему надо выговариваться и душу свою через свет пропускать.

– Да уж, рентген нас раз в год заставляют делать. Вроде, всё в норме.

– Да не о том я, молодой человек. Я говорю о свете духовном, которым нас наполняет живая человеческая речь, лю-

бовь и музыка. Ты, наверное, пришёл сказать мне, что не любишь музыку?

– Ну, не совсем так. Просто не каждый день и не с утра до вечера.

– А ты просто отключи сознание, милок, и послушай, впусти в себя музыку. Ты ведь знаешь, я играю разный репертуар. Утром чуток повеселее из «Времени года» Чайковского или что-нибудь из Штрауса, чтобы народ проснулся, настроился на хороший день. К вечеру – концерты Вивальди, Шуберта. Днём – Моцарта, чтобы малые детишки хорошо засыпали, а старшие настраивались делать уроки. Знаешь, как сказал один мой современник: в музыке есть прекрасная вещь – когда она попадает в тебя, ты не чувствуешь боли. Когда Марьюшка заболела, я стал играть ей «Второй концерт» Рахманинова. И ты знаешь, врачи говорили, что она не протянет и месяца, но Марья Петровна держится стойко уже более полугода. Правда, Машенька? Мы с тобой ещё повоюем? Кивает. Сил мало у неё, но я не сдаюсь. Пока мои пальцы держат смычок, я буду играть для неё. И для всех вас. Соседи сверху даже ребёночка под Шопена укладывают. А Василий Яковлевич из тридцать второй приходил благодарить. Говорит, последняя кардиограмма показывает явные улучшения. Я для него специально месяц только Моцарта играл. Его музыка лучше всего под сердечный ритм подстраивается. И в ней такая любовь к жизни!

– Надо же, как интересно, Олег Сергеевич. Меня до пере-

езда в этот дом мигрени мучили. Но вот уже месяц я не пью таблетки.

– Вот, Машенька, что я говорил? Вивальди вечером в точку! Это не просто музыка – это настоящий эликсир!

– Я всегда мечтала научиться играть на гитаре. Но родители считали, что мне надо больше спортом заниматься.

– Так ведь никогда не поздно, Анжелочка. Ты знаешь, любая музыка, если она идёт от сердца, способна исцелять. Ты должна обязательно научиться играть на гитаре. Знаешь, если бы не скрипка, мы с Марьюшкой не выжили бы в своё время. Я – детдомовец, она – чудом спасшийся из концлагеря младенец. И ни одного родного человека на всём белом свете. Мы много лет пытались найти мать Марьюшки по отметине на её теле. Всем рождённым в Освенциме младенцам ставили такие же метки, как у их матерей. Но в списках выживших мы не нашли женщины с номером Марьюшки. Хвала пани Лещинской, принимавшей роды у узниц, за то, что моя жена не просто появилась на свет, но и выжила вопреки всему. Так вот, когда мы поженились, у нас были только наши светлые головы, наша любовь и наша скрипка. Работая в оркестре и в музыкальной школе, я кормил свою семью и помогал соседям по коммуналке сводить концы с концами. А вечером весь подъезд собирался у нас слушать Вивальди.

– А где же ваши дети?

– О, этот вопрос я уже более пятидесяти лет задаю небесам. К сожалению, Моцарт и Вивальди бессильны в вопросах

деторождения. Небеса не дали нам собственных детей, очевидно, затем, чтобы мы отдали свою жизнь иному служению. Но у вас, молодые люди, я вижу, всё очень скоро изменится. Я вижу совершенно особый свет в твоём лице, Анжела. Если я прав, дай знать. Я немного скорректирую репертуар. Ты знаешь, уже в первые недели жизни зародыш способен слышать голос матери и звуки музыки. «Соната соль мажор» и «Рондо» Моцарта будут в самый раз. А теперь, извините. Время для «Второго концерта». Марья Петровна не сможет заснуть без него. И заходите к нам в гости по-соседски.

– Всего доброго, Олег Сергеевич, Марья Петровна. Извините, пожалуйста.

– Анжела, а о каком таком особом свете на твоём лице он говорил?

– Извини, я хотела тебе сказать сегодня, но ты пришёл какой-то сердитый. Я сделала тест. У нас будет ребёнок.

– Я люблю тебя!

«В музыке есть прекрасная
вещь - когда она попадает
в тебя, ты не чувствуешь
боли». Боб Марли

Любовь на вкус

Автор: Оксана Иванова @skyelectric

Иллюстратор: Екатерина Мигачёва @ekaterinamigacheva8

После разговора в кафе Виола чувствовала тяжесть на душе, которую срочно надо было сбросить. Лучше всего в этом деле ей помогал танец.

Ничего не сказав подругам, она отправилась в клуб, в котором ещё ни разу не была. Среди молодёжи он не пользовался популярностью, считалось, что туда ходит одно «старичьё за тридцать». Ей через полгода должно было исполниться восемнадцать, но её пустили, даже не спросив возраст.

Песни были понятные и простые: лёгкий рок, попса, никакой «долбёжки». Вокруг неё всё больше людей пускалось в пляс, разгорячённые напитками и компанией.

Вдруг ди-джей объявил, что следующая песня будет звучать для таинственной незнакомки, похожей на нимфу. Звучала «Самба белого мотылька» и Виола собралась пойти передохнуть, как перед ней появился высокий парень и приятным баритоном произнёс: «Разрешите вас пригласить на танец?»

Девушка кивнула. Она сама не поняла, как закружилась под музыку, партнёр вёл уверенно, движения получались легко, будто были отточены многолетними тренировками.

На последних нотах молодой человек откинул девушку назад, ему не хватало только розы в зубах. Виола смогла на несколько секунд разглядеть лицо танцора. Тёмные волосы были сзади чуть опущены, квадратные скулы и трёхдневная щетина добавляли ему мужественности.

В глазах блестели лукавые искорки. Он поднял её на ноги и с усмешкой произнес: «Голова закружилась?»

Ноги у девушки действительно подкашивались. Чтобы скрыть своё смущение, она резко повернулась к банкетному залу и нетвёрдой походкой зашагала к дивану.

Молодой человек бросился вслед и догнал её почти у выхода из танцпола. Чувствуя себя виноватым, он спросил: «Ты обиделась что ли? Ну, извини, с меня коктейль!»

Виола уже немного пришла в себя и потому решила проверить реакцию нового знакомого: «А я несовершеннолетняя, мне нельзя алкоголь!»

Молодой человек опешил, но быстро нашёл выход: «Хорошо, тогда я буду угощать тебя фруктами и конфетами, это же тебе можно?»

Обычно в барах нельзя найти такую богатую палитру вкусов, но это было необычное заведение, здесь часто заказывали проведение различных торжеств и праздников, поэтому меню пестрило блюдами на разный вкус.

Парень встряхнул головой:

– Забыл представиться, я Ник

– Виола, – девушка с интересом смотрела на молодого че-

ловека.

– Я люблю испытывать все органы чувств, поэтому предлагаю тебе такую игру: я завяжу тебе глаза и буду кормить, а ты должна отгадать что это.

«Странный он какой-то, но на маньяка вроде не похож», – промелькнуло в голове у девушки.

На деле же она спросила:

– А ты мне жареного таракана не подсунешь?

Ник раскатисто рассмеялся.

– Нет, мы же не в Азии, даже если бы захотел, мне его неоткуда взять. К тому же не имею привычки издеваться над нимфами.

– Нимфа...ми...так это ты песню заказал?

– Ну да, ты так увлечённо танцевала, и я подумал, что оценишь самбу... Так что, играем?

– Давай!

Молодой человек, словно из воздуха, вытащил шарф и завязал глаза девушке.

Она услышала, как рядом зазвенела посуда – видимо, принесли заказ.

– Вдохни не торопясь, попытайся угадать по запаху и только потом на вкус...

Нос Виолы защекотал запах популярной ягоды.

Она улыбнулась: «Это просто, клубника!»

– Уверена? А ну-ка откуси!

Девушка попробовала раз, затем ещё.

– Что-то странное, не могу понять, запах и вкус противоречат друг другу...

– Нет, это просто не то, что ты думаешь. Это физалис.

– Что? Я такое название даже впервые слышу!

– С почином! Продолжим?

Ник угощал девушку то банальным шоколадом, то авокадо с манго, усложнял вкус, добавляя различные сиропы и соусы.

Заключительным блюдом было мясо под сладким соусом.

– Курица, – выпалила Виола.

– А ты уверена, что это не лягушачьи лапки?

Девушка резко сорвала шарф и с испугом посмотрела в тарелку: «Что-о-о?»

– Хотел проверить твою реакцию, буду знать, что в Париж тебя лучше не звать.

Виола не знала, что ответить, новый знакомый не переставал её удивлять.

– Спасибо за угощение и за... физалис, буду теперь знать, но мне пора домой, – девушка решила, что на сегодня ей впечатлений достаточно и засобиралась.

По лицу Ника пробежала тень досады, но он взял себя в руки и предложил проводить до дома.

Три года спустя

– Милый, а ты помнишь, что сегодня за день?

– Конечно! Закрой глаза, открой рот!

– Ммм, физалис, как три года назад...

– Нет, моя милая нимфа, это южнокорейский сорт клубники!

Рецепт от потомственного психолога

Автор: Оксана Иванова @skyelectric

Иллюстратор: Виктория @nina.mur.art

«Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему».

Девушка захлопнула книгу. Раз так, значит, есть универсальный рецепт, не может Толстой ошибаться...

Шапка, шарф, варежки не забыть. Леонарда выпорхнула на улицу. Втянула носом морозный воздух. Ах, хорошо! Безветренно и безлюдно, свежевывавший снег чуть поскрипывал под ногами.

Не спеша дошла до парка и присела на скамейку. Красиво-ка-а-ак! Ветки деревьев ещё в пушистой морозной одежке, солнечные зайчики прыгают то тут, то там, щекочут ресницы.

Рядом кто-то присел. Девушке неудобно было рассматривать соседа по лавке, но любопытство взяло верх, поэтому, неловко косясь, она попыталась опознать в закутанной одежде человека.

Это была соседка-бабуля неопределённого возраста, на голове серая шаль, пальтишко ещё советских времён. Она что-то бормотала себе под нос. Потом будто о чём-то вспом-

нила, резко, насколько это возможно для её возраста, встала и засеменила к выходу из парка. Леонарда вздохнула, ей становилось скучно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.